

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
Институт лингвистики и международных коммуникаций
Кафедра лингвистики и перевода

РАБОТА ПРОВЕРЕНА
Рецензент, д.филол.н., доцент
_____/Н.Н. Кошкарлова/

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой,
д.филол.н., доцент
_____/Т.Н.Хомутова/

**СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
МОДЕЛИРОВАНИЯ
ОБРАЗА СОЮЗНИКА В ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ**

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ - 45.04.01.2020.001.ВКР

Руководитель, д.филол.н., профессор
_____/О.А. Солопова/
« ___ » _____ 2020г.

Автор
студент группы ЛМ-240
_____/Т.С. Вагина/
« ___ » _____ 2020г.

Нормоконтролер,
к.филол.н., доцент
_____/О.И. Бабина/
« ___ » _____ 2020г.

Работа защищена с оценкой
_____
« ___ » _____ 2020г.

Челябинск
2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1 Феномен памяти как объект междисциплинарных исследований 8	
1.1 Память как понятие разных гуманитарных наук	8
1.1.1 Понимание памяти в психологии	8
1.1.2 Понимание памяти в философии.....	10
1.1.3 <i>Memory studies</i> как научная дисциплина, изучающая память. 13	
1.2 Виды памяти: подходы к классификации	16
1.3 Различия между коллективной памятью и историей.....	21
1.4 Понятие исторической памяти	22
1.5 Ресурсы исторической памяти.....	23
1.6 Значение исторической памяти	26
1.7 Средства создания исторической памяти	26
Выводы по главе 1	27
Глава 2 Дискурс как способ реализации исторической памяти.....	29
2.1 Междисциплинарность понятия дискурс	29
2.2 Эволюция понятия <i>дискурс</i> в философии и лингвистике	29
2.3 Разделение понятий текст и дискурс.....	32
2.4 Военно-публицистический дискурс как вид институционального дискурса ³⁴	
2.5 Метод метафорического моделирования.....	34
2.6 Проявление оппозиция «свой–чужой» в дискурсе	37
Выводы по глава 2.....	39
Глава 3 Сопоставительный анализ моделирования образа союзника	40

3.1	Названия Второй мировой войны как отражение национальной специфики исторической памяти	40
3.2	Выбор источника материалов для проведения исследования	41
3.3	Параметры поиска в The British Newspaper Archive и Chronicling America	43
3.4	Анализ модерирования образа союзника на основе данных британского военно-публицистического дискурса	48
3.5.1	Образ союзника в 1939 г.....	48
3.5.1.1	Образ Советского Союза.....	48
3.5.1.2	Образ Британии.....	51
3.5.1.3	Образ Соединенных Штатов	53
3.5.2	Образ союзника в 1943 г.....	54
3.5.2.1	Образ СССР.....	54
3.5.2.2	Образ Британии.....	56
3.5.2.3	Образ США.....	57
3.5.3	Образ союзника в 1945 г.....	59
3.5.3.1	Образ СССР.....	59
3.5.3.2	Образ Британии.....	60
3.5.3.3	Образ США.....	61
3.5	Сопоставительный анализ моделирования образа союзника в британском военно-публицистическом дискурсе	62
3.6	Американский военно-публицистический дискурс.....	64
3.7.1	Образ союзника в 1939 г.	64
3.7.1.1	Образ СССР.....	64
3.7.1.2	Образ Британии.....	67

3.7.1.3 Образ США.....	69
3.7.2 Образ союзника в 1943 г.	72
3.7.2.1 Образ СССР.....	72
3.7.2.2 Образ Британии.....	75
3.7.2.3 Образ США.....	78
3.7.3 Образ союзника в 1945 г.	80
3.7.3.1 Образ СССР	80
3.7.3.2 Образ Британии	82
3.7.3.3 Образ США.....	84
3.7 Сопоставительный анализ моделирования образа союзника в американском военно-публицистическом дискурсе	86
3.8 Сопоставление образа союзника в британском и американском военно-публицистических дискурсах	87
Выводы по главе 3	92
Заключение.....	95
Библиографический список.....	97

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении истории человечества постоянно шли войны, которые были как основанием прогресса в развитии стран и культур, так и причиной падения государств, исчезновения народов и языков. XX век ознаменовал собой 2 крупнейшие и мировые войны, навсегда изменившие отношение людей к глобальным конфликтам. Существует мнение, что Третья мировая война станет последней для нашей цивилизации. Неудивительно, что все государства планеты стремятся его предотвратить.

Вторая мировая война считается самой жестокой и кровопролитной в истории: в ее ходе была применена атомная бомба; отрицалось право на жизнь определенных народов, что стало причиной геноцида; в концентрационных лагерях проводились бесчеловечные эксперименты над людьми. Также Вторая мировая война – это героизм и самопожертвование миллионов людей для спасения своей страны и мира на Земле. Она оставила зияющую рану в истории; однако человечество не должно забывать ни ее, ни ее уроки.

Актуальность выбранной темы магистерской диссертации объясняется тем, что Вторая мировая война оказала значительное влияние на язык и культуру всех стран-участниц этого глобального конфликта. Более того, именно итоги этой войны стоят у истока многих международных событий, разногласий и гонки вооружений. Создание Организации Объединенных Наций было обусловлено желанием участников антигитлеровской коалиции поддержать и укрепить мир и безопасность в мире.

Объектом исследования являются метафорические единицы, использованные для моделирования образа союзника в британском и американском военно-публицистических дискурсах периода Второй мировой войны.

Предмет данной магистерской диссертации – общие черты и специфические особенности моделирования образа союзника в британском и американском военно-публицистических дискурсах периода Второй Мировой войны.

Целью работы является проведение сопоставительного анализа моделирования образа союзника в военно-публицистических дискурсах Великобритании и США в период Второй мировой войны.

В соответствии с поставленной целью необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) изучить понятие исторической памяти в области социально-гуманитарных наук;
- 2) рассмотреть понятия дискурса и военно-публицистического дискурса;
- 3) исследовать возможности использования корпусов *The British Newspaper Archive* и *Chronicling America* в дискурсивном исследовании;
- 4) создать корпусы текстов для проведения исследования;
- 5) проанализировать каждый исследовательский корпус, выявить и описать метафорические модели;
- 6) сопоставить данные британского и американского дискурсов, определить общие черты и особенности метафорического моделирования образа союзника периода Второй Мировой войны.

Для выполнения вышеперечисленных мы использовали следующие **методы**: инструменты корпусного анализа; метод метафорического моделирования; когнитивно-дискурсивный анализ; сопоставительный анализ.

Теоретическую основу проведенного исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых по когнитивной лингвистике, политическому дискурсу, метафорологии и исторической памяти, в том числе труды Дж. Лакоффа, Т. ван Дейка, А.П. Чудинова, Ф. Нельсона.

Новизна проведенного исследования характеризуется тем, что в работе достаточно подробно рассмотрена связь исторической памяти и дискурса. Использование метафор в военно-публицистическом дискурсе может оказать влияние на социально-политическую ситуацию в стране и историческую память.

Теоретическая значимость данной работы заключается в том, что был подробно рассмотрен феномен исторической памяти, показана его связь с дискурсом и способы ее создания.

Практическая значимость провеянного исследования заключается в возможном использовании полученных результатов при дальнейшей работе в этом направлении, а также в рамках когнитивной лингвистики и истории международных отношений.

Материалом исследования послужили метафорические модели, которые были отобраны из публикаций периода Второй мировой войны, опубликованных в Великобритании и США. Доступ к этим статьям осуществлялся с помощью сайтов *The British Newspaper Archive* и *Chronicling America. Historic American Newspapers*.

Материалы и результаты работы прошли **апробацию** в рамках проекта РФФИ 19-012-00192. Результатов исследования были представлены в рамках конференций («Новый взгляд-3 (1 место), «Новый взгляд-4» (1 место), выставка-конференция научно-технических и творческих работ студентов (2019, 2020); научно-практическая конференция «Актуальные проблемы в науке: взгляд молодых»; 72-я студенческая научная конференция) и конкурсов (конкурс научно-исследовательских работ студентов (2019 – I место, 2020 – I место); Дни студенческой науки ЮУрГУ). В 2019 г. было принято участие в подготовке выставки, посвященной роли Урала в годы Великой Отечественной войны. Также были написаны 6 публикаций (из них 5 – в рамках проекта РФФИ 19-012-00192).

Магистерская диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников (57).

ГЛАВА 1   ФЕНОМЕН ПАМЯТИ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1   Память как понятие разных гуманитарных наук

Прежде чем говорить о феномене исторической памяти, следует рассмотреть понятие памяти вообще. Изучением памяти занимается ряд социально-гуманитарных наук, в число которых входят психология, философия и история.

1.1.1   Понимание памяти в психологии

Являясь одним из ключевых понятий психологии, память определяется разными словами, суть которых можно свести к относительно схожему пониманию этого явления. Так, психолог М. Марлин определяет память как «процесс сохранения информации во времени» [57]. В «Большой энциклопедии психологии» указывается, что память – это «процессы организации и сохранения прошлого опыта, делающие возможным его повторное использование в деятельности или возвращение в сферу сознания» [5].

А.М. Боднар указывает, что в истории психологии память всегда имела особое место: с античных времен до XIX века включительно память считалась основой психики: считалось, что без памяти другие психические процессы не будут осуществляться. Платон отождествлял понятия душа и память, Спиноза – намерение и память, Милль-мл. – личность и память. Следовательно, память в психологии использовалась для объяснения. В XX веке память становится предметом изучения; выясняется, что она «является универсальным интегратором психики» [7, 35].

В психологии выделяют 3 этапа в становлении взглядов на роль специфических приемов и средств в запоминании. Так, первый этап связан с исключением влияния каких-либо приемов и средств; изучение памяти проводилось с помощью ассоциативной психологии. Предполагалось, что использование бессмысленных слогов в качестве материала для запоминания

позволит выделить законы памяти. Тем не менее, участники ассоциативных экспериментов устанавливали осознанные логические связи для запоминания бессмысленной информации. На втором этапе уже признавали роль приемов и средств для осознанного запоминания данных, но все равно считали их частным свойством памяти человека.

Третий этап связан с именами отечественных психологов Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева [16, 37]. Эти выдающиеся ученые доказали, что принцип использования внешних и внутренних средств запоминания и забывания является основным для организации памяти: процесс культурного и исторического развития человека имеет своим результатом переход биологической формы памяти к более высшей форме, свойственной именно человеку [11]. Только человек, используя приемы осознанного поведения, подчинил биологическую память своим целям. Именно осознанность запоминания является критерием разграничения памяти как естественной психической функцией и памяти как высшей психической функцией, свойственной человеку как социальному существу.

В книге «Память» А. Баддли, М. Айзенк и М. Андерсон приводят следующие определения памяти, показывающие многогранность этого понятия:

- память – это фундаментальный процесс психической деятельности, имеющий внутреннюю и внешнюю организацию;
- память – это многогранный процесс, т.к.: 1) сама память состоит из восприятия, хранения и воспроизведения информации и 2) существует несколько видов памяти, каждый из которых отличается от других особенностями, которые являются основой реализации различных видов деятельности человека;
- память – это процесс, связанный со всеми психическими функциями, присущими человеку [3].

Несмотря на разнообразие определений памяти, приведенных в одном труде, американские психологи утверждают, что в них есть общий элемент –

свойство психической деятельности человека. Они приходят к выводу, что память является основополагающим процессом, свойственным только человеку.

Интересна трактовка понятия памяти, предложенная П. Жане в статье «Эволюция памяти и понятия времени» [3]. По его мнению, память – это «своеобразное действие, изобретенное людьми в ходе их исторического развития, а главное, – действие, совершенно отличное от обычного, автоматического повторения, которое составляет основу привычек и навыков». То есть определение памяти, данное П. Жане, можно трактовать следующим образом: память – это интерпретация события или факта, проведенная одним человеком или группой людей; если память – «изобретение людей», то она не обладает объективностью и отражает восприятие событий или фактов, которое является правильным для определенной группы людей или конкретной личности – «изобретателей» памяти. Такая трактовка близка авторам данной работы.

Таким образом, рассмотренные материалы по психологии позволяют утверждать, что память признается уникальным феноменом человеческой психики, который является основой для жизнедеятельности человека. Более того, память не объективна и зависит от конкретной интерпретации.

1.1.2 Понимание памяти в философии

Как мы отмечали выше, тема памяти интересовала ученых со времен Античности. Приняв во внимание тот факт, что данная работа не является работой по философии, мы представили информацию, которая, по нашему мнению, имеет отношение к нашему исследованию.

Так, средневековый философ Августин, основываясь на философии христианства, изобрел интериорность: «именно в памяти прежде всего ищется Бог. Высь и глубина — а это одно и то же — находятся в интериорности» [52]. Понятие интериорности соотносится с внутренним опытом, внутренним миром человека. И хотя Августин не отождествлял понятия памяти и внутреннего «я», он выделял «внутреннего человека», который предается

воспоминаниям. В своем труде «Исповедь» он связал анализ памяти с изучением времени. П. Рикер приводит следующую цитату из работы Августина: «Мы исследуем сейчас не небесное пространство, измеряем не расстояние между звездами, а душу. Вот я, помнящий себя, я, душа (Ego sum, qui memini, ego animus)» [52]. Таким образом, можно заключить, что без памяти нет внутреннего мира человека и нет самого человека: память – необходимый элемент для того, чтобы живое существо считалось человеком.

Впервые на тождественность памяти и «Я» указал английский философ Дж. Локк, который переосмыслил понятие памяти [40]. Введя в философию понятия сознания, личности и личного тождества, этот ученый изменил понимание границ субъективности [3]. Изучение памяти стало центральным вопросом философии, и в концепт сознания входит понимание права субъективности на существование, т.е. право на определение себя как личности. Тем самым можно утверждать, что Дж. Локк, как и другие упомянутые нами ученые, был убежден в ключевой роли памяти в становлении человека.

Рассмотрев взгляды выдающихся философов Средневековья и Нового времени и придя к выводу о том, что память является необходимой составляющей человека как личности, позволим себе перейти к краткому обзору взглядов философов современности. Подобный переход мы можем объяснить тем, что, не оспаривая важность открытий философов XVIII-XIX вв., мы сочли подходящими для нашего исследования определения памяти, данные Августином и Дж. Локком. Кроме того, нам представляется интересным рассмотреть контраст (если таковой имеется) в понимании памяти европейских основоположников изучения памяти и современных философов.

Так, известный французский философ П. Рикёр, рассуждая о памяти в своем труде «Память, история, забвение», указывает на то, что память является связью между временем и пространством: «...повествование, рассказ позволяют установить связь с опытом времени, поскольку рассказ разворачивается во времени и повествует о событиях, происходящих во

времени, о персонажах, живущих во времени. В соотношении времени и повествования присутствует опосредующее звено — память» [52]. Он акцентирует значимость языка: память не может быть «рассказана», если она не имеет языковых средств выражения. Следовательно, память и язык, по мнению П. Рикёра, взаимосвязаны: функция памяти – это свидетельство о событии, произошедшем во времени, которое запечатлется в повествовании об этом событии; повествование (язык) структурирует память.

А.А. Курган в своей монографии «Время как память» говорит о том, что память и прошлое можно объединить: память есть прошлое [22]; прошлое является основой всего, без него невозможен процесс познания [22], т.к. знание – это прошлое и свершившийся факт: человек уже обладает способностью использовать что-то. Эти утверждения позволяют автору сделать ввод о том, что «память возможна лишь на основе тождества... прошлого и настоящего» [22]. В доказательство этому философ приводит следующий аргумент: изменения происходят только в содержании мира – в прошлое/память уходит окружающий человека мир, в то время как сам человек остается тем же. В его рассуждениях становится понятным разделение прошлого/памяти и настоящего: настоящее – это память мира, поскольку все, что окружает человека в мире, уже произошло. Кроме того, он высказывает мнение о том, что человек живет в прошлом, т.е. только прошлое существует реально [22].

Рассуждая о ценности прошлого, А.А. Курган высказывает мысль, с которой, по нашему мнению, трудно не согласиться: «невозможно допустить, чтобы прошлое уничтожалось и превращалось в ничто» [22]. В своих рассуждениях о метаморфозе памяти во времени он приходит к выводу о том, что «в абсолютном прошлом... как будто все воспоминания всех людей объединяются...» [22].

В целом мы согласны со взглядами А.А. Кургана о том, что прошлое сохраняется в памяти и возможно отождествить эти феномены. Тем не менее, представляется целесообразным следующее уточнение: принимая мнение

П, Жане о субъективности памяти и мнение А.А. Кургана о тождестве памяти и прошлого, мы может говорить о том, что прошлому также свойственна субъективность. Каждый человек имеет собственное представление о каком-либо произошедшем событии.

Заканчивая обзор понятия памяти в философии, отметим, что память является одним из элемента, отличающим человека от других существ. Память необходима для осознания человеком себя в мире, связей в обществе между индивидами и своего прошлого [56]. Если труды Дж. Локка были посвящены связи памяти и сознания, то в работах современных философов рассматривается связь памяти и прошлого.

Изучив приведенные материалы, мы можем обобщить, что в философии память – это необходимая составляющая человека как личности, которая связывает время и пространство. Помимо этого, в памяти сохраняются свидетельства о произошедших событиях, которые структурируются с помощью языковых средств (как и сама память).

1.1.3 *Memory studies* как научная дисциплина, изучающая память

Термин «память» приобрел ключевое значение в социально-гуманитарных исследованиях в конце XX века (1980-1990 гг.) [25] в рамках дисциплины *memory studies*. Становление *memory studies*, по мнению А. Васильева, является проявлением «антропологического поворота» в гуманитарных науках. Он указывает, что ««память» стала одним из ключевых слов, лозунгов нашей эпохи, названной Пьером Нора «эрой коммеморации» [9].

История изучения памяти как общественного феномена начинается в 1920-е гг. с выходом трудов М. Хальбвакса и А. Варбурга, посвященных коллективной и социальной памяти. Тем не менее, ее развитие «не шло путем эволюционного прогресса. «Логика развития *memory studies* скорее описывается в категориях «забвение», «воспоминание», «возвращение вытесненного» и «смена дискурсивных формаций» [9]. Таким образом, в течение продолжительного времени категории прошлого и настоящего рассматривались с позиций традиций, наследия, исторического сознания и

социальной мифологии. А. Васильев перечисляет следующие труды как определяющие вехи в этом процессе:

- публикация книги Э. Шилза «Традиция» (1981);
- проект создания традициологии как научной дисциплины Э.С. Маркаряна;
- концепция культуры как коллективной памяти, выдвинутая московско-тартуской семиотической школой;
- публикация книги Й. Йерушалми «Захор: Еврейская история и еврейская память» (1982);
- публикация книги Л. Лоуэнталя «Прошлое — чужая страна» (1988);
- сборник статей «Изобретение традиций» (1983) под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера;
- работы по проблемам исторического сознания советских и польских историков и социологов (Н. Ассордбрай, Ю.А. Левады, Е. Топольского, М.А. Барга, Б. Шацкой и др.);
- выход в 1989 г. первого номера американского журнала «History&Memory»;
- проект «Места памяти» под руководством П. Нора (конец 1980-х — начало 1990-х гг.);
- публикация книги немецкого культуролога Я. Ассмана «Культурная память»; в этой работе ученый указал на зарождении «новой парадигмы наук о культуре», где культурные явления можно рассматривать в их связи с понятием воспоминание;
- проект истории памяти как самостоятельной дисциплины, предложенный Я. Ассманом: так, предлагалось изучение прошлого, оставшегося в коллективной памяти, а также процессов его «моделирования и переоткрытия в настоящем в зависимости от актуальной ситуации»;

- публикация статьи Б. Зелицера «Прочитывая прошлое «против шерсти». Очертания *memory studies*», в которой была предпринята попытка писать методологию этой дисциплины [9].

В начале XXI века в западных университетах появляются учебные программы по *memory studies*. Журнал “Memory Studies” выпускается с 2008 года – ежеквартальное академическое издание издательства “SAGE”. Журнал нацелен на публикацию статей, изучающих социальные, культурные, когнитивные, политические и технологические изменения, которые, в свою очередь, влияют на то, «как, что и почему индивиды, группы и общества помнят и забывают» [49]. Это же издательство выпускает книги, посвященные *memory studies*. Также стоит отметить, что на английском и немецком языках были изданы пособия по этой дисциплине.

Предметом *memory studies* изначально являлось изучение памяти в связи с разработкой проблематики нации и национальной идентичности. В настоящее время методы этой дисциплины применяют при изучении социальных общностей и организаций: «от предприятий и фирм до международных отношений и глобальных проблем современности» [9]. Это, по мнению С.А.

Рябова и А. Васильева, обосновывает их тезис о том, что *memory studies* являются парадигмой современного социально-гуманитарного знания [9, 31].

Таким образом, можно сказать, что появление *memory studies* и изучение памяти как общечеловеческого феномена является важной ступенью антропологизации гуманитарных наук на современном этапе их развития. Появление этой дисциплины, на наш взгляд, является логическим продолжением изучения памяти: от доказательства ее присущности каждому человеку наука переходит к осмыслению памяти как общественному явлению.

Историчность можно считать антропологической универсалией, которая регулирует ментальные операции субъектов: индивидов, социальных групп и общества.

1.2 Виды памяти: подходы к классификации

Рассмотрев понятие памяти в психологии, философии и *memory studies* и выбрав определение, подходящее для нашего исследования, приведем классификации этого феномена.

Традиционно в психологии при классификации памяти [21] используют 4 критерия: 1) ведущий анализатор; 2) предмет деятельности/характер активности; 3) продолжительность протекания процесса и 4) форма психической активности. По характеру психической активности выделяют следующие виды памяти: двигательную (способность запоминать движения), эмоциональную (запоминание чувств и эмоций), словесно-логическую, или вербальную (способность запоминать мысли, выраженные в языковой форме) и образную, которая подразделяется на подвиды в зависимости от ведущего анализатора (см. рис. 1.1).

Рисунок 1.1 – Виды памяти (традиционная классификация в психологии)

По форме психической активности память делят на непроизвольную (запоминание информации без цели ее запомнить) и произвольную (запоминание информации с целью ее запомнить и воспроизвести) [10].

По продолжительности закрепления и сохранения информации различают *кратковременную* (обеспечение непродолжительного удержания информации), *долговременную* (продолжительное сохранение информации) и *оперативную* память (поддержание действия или операции во время их осуществления) [10].

Рассмотрев эту классификацию, мы пришли к выводу, что указанные выше критерии выделения видов памяти в основном не соотносятся с нашим исследованием. Изучая военно-публицистический дискурс, мы не можем опираться на информацию, полученную органами чувств. Тем не менее, часть этой классификации применима: наиболее подходящим для данной работы видом следует считать вербальную долговременную память,

Механизм перехода информации из кратковременной памяти в долговременную показан на рис. 1.2 (см.рис.1.2) [10]. На представленной схеме видно, что для закрепления каких-либо данных в долговременной памяти, необходимо время: за определенный период времени происходит перекодирование информации человеком, ее понимание и адаптация к системе знаний данной личности, т.е. сохранение долговременной памяти. Если же этап перекодирования информации не состоялся, и информация не воспринимается человеком, то она возвращается в кратковременную память, где она вытесняется другими данными.

Система памяти (по Р. Аткинсону и Р. Шиффину)

Рисунок 1.2 – Механизм сохранения информации в долгосрочной памяти

В книге «Память» А. Баддли и др. иная схема поступления и сохранения в долговременной памяти (см. рис. 1.3). Согласно этой схеме, вначале информация поступает из окружающей среды и обрабатывается в сенсорной памяти, которую авторы предлагают рассматривать как «границу раздела восприятия и памяти» [3]. Сенсорная память, по пониманию А. Баддли и его коллег – это «кратковременное хранение информации внутри специфической модальности» [3]. Она связана с визуальным восприятием информации и, следовательно, восприятием. Затем информация в кратковременную память, и на последнем этапе она фиксируется в долговременной памяти.

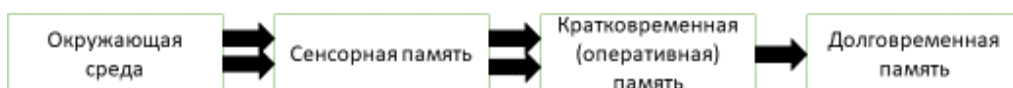

Рисунок 1.3 – Подход к памяти как к процессу обработки информации [3]

Авторы «Памяти» заостряют внимание на том, что «наши знания о мире, хранящиеся в долговременной памяти, могут влиять на фокус нашего внимания, который... определяет, какая именно информация поступает в сенсорные системы памяти, как она обрабатывается и запоминается ли после этого» [3]. Тезис, выдвинутый А. Баддли, представляется нам особенно важным в нашем исследовании: каждый человек, осознанно или неосознанно, избирателен в отношении запоминаемой информации.

Существуют и нетрадиционные подходы к классификации памяти. Исследователи, занимающиеся такими дисциплинами, как история, психология и лингвистика, выделяют следующие виды памяти: *индивидуальная, общественная, культурная, коммуникативная, коллективная, историческая*. Рассмотрим эти виды памяти подробнее.

Нидерландский лингвист Т.А. ван Дейк, рассматривая связь когниции (cognition) и политического дискурса, заявляет о том, что «когнитивные процессы и образы определяются памятью», которая, по его мнению, представляет собой «абстрактную ментальную структуру» [42]. В своих

рассуждениях Т. ван Дейк опирается на классификацию памяти, в которой различаются кратковременная (Short Term Memory) и долговременная память (Long Term Memory); последняя, в свою очередь, подразделяется на эпизодическую (Episodic) и семантическую (Semantic) (см. рис. 1.4).

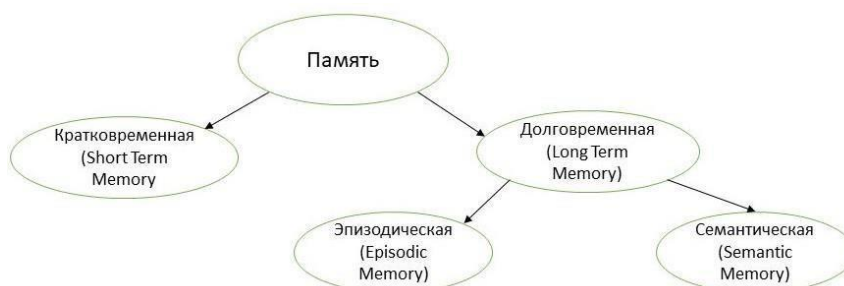

Рисунок 1.4 – Классификация памяти по Т. А. ван Дейку

Т. ван Дейк указывает, что обработка информации происходит в кратковременной памяти, которая использует знания, хранящиеся в долговременной памяти. Разделение долговременной памяти на эпизодическую и семантическую представляется логичным. Так, в эпизодической памяти хранится личный опыт, полученный человеком самостоятельно в результате осмысления данных в кратковременной памяти. В семантической памяти информация является более абстрактной, общей и разделяемой обществом [42]. Знание родного языка или знание о мире, по [27], принадлежат именно этому виду памяти. Именно то, что семантическая память имеет общественную природу, позволяет Т. ван Дейку назвать ее *общественной* (social).

Структура общественной памяти, как отмечает Т. ван Дейк, все еще неизвестна. Он высказывает предположение, что в нее входит *общность социокультурных убеждений*, которая состоит из культурного знания общества и мнений членов этого общества [43]. *Общность социокультурных убеждений* фундаментальна и неизменна в конкретный период времени; тем не менее, она может измениться с течением времени [43], т.е. она динамична и адаптируется к условиям окружающей действительности и развитию

общества. Отдельная социальная группа может выработать свои знания и убеждения, которые, в свою очередь, организованы на базе идеологий.

Общественной памяти Т. ван Дейк противопоставляет память эпизодическую (по нашему мнению, возможно назвать этот вид *индивидуальной* памятью), в которой в форме ментальных моделей хранится информация о личном опыте и знании. Так как эти ментальные модели являются личными интерпретациями события, они субъективны [43]. Они формируют когнитивную основу личного дискурса: при продуцировании высказывания и восприятии информации в сознании человека создается ментальная модель события. Особого упоминания, на наш взгляд, достоин факт того, что ментальная модель возникает независимо от того, является ли человек непосредственным свидетелем события или же читает о нем. Т. ван Дейк указывает на то, «модели объединяют личную и общественную информацию, являясь основой взаимодействия между общественным и индивидуальным» [42].

Общие и абстрактные социальные образы (*social representations*) общественной памяти создаются на основе личного опыта, сохраняемого в эпизодической (индивидуальной) памяти. Таков один из механизмов получения политических знаний. Вторым механизмом, по А. ван Дейку, – «более прямой» [42] – это дискурс, подразумевающий получение информации непосредственно от источника (пропаганда, тексты политических документов).

Таким образом, проанализировав статью Т. ван Дейка, мы подробно рассмотрели понятия общественной и эпизодической памяти. По нашему мнению, эпизодическую память также можно назвать индивидуальной. В [42] был объяснен механизм приобретения человеком политических знаний и убеждений – дискурс.

Следующие два понятия также рассмотрим в их противопоставлении. Разграничим понятия *культурной* и *коммуникативной* памяти. *Коммуникативная* память состоит из воспоминаний, общих для общества,

которые основаны на повседневном общении и сохранены в форме устных традиций. *Культурная* память состоит из образов прошлого, представленных в виде письменных документов и материальных объектов (статуи, мемориалы, монументы), которые делают возможным передачу общественных воспоминаний между поколениями [54]. Таким образом, главное отличие коммуникативной памяти от культурной состоит в том, что носителями первой являются люди, а второй – материальные источники.

Для более полного понимания таких понятий, как коллективная и историческая память, необходимо, на наш взгляд, провести границу между коллективной памятью и историей, поскольку в данном случае они тесно связаны между собой.

1.3 Различия между коллективной памятью и историей

Термин *история* имеет широкую семантику [6]. С одной стороны, история – это совокупность фактов и событий, произошедших и объективно существовавших в прошлом (*res gestae* – факты или достижения [41]). С другой стороны, историю можно рассматривать как дискурс о прошлом, реализуемый в различных изложениях для вербальной реконструкции прошлого (*historia rerum gestarum* – рассказ о прошлом) [30]. Также под историей понимают научную дисциплину, изучающую факты и события прошлого и являющуюся основным источником для дискурса о прошлом. Лингвистически разграничить эти понятия невозможно [54]. В данной работе мы рассматриваем историю как дискурс о прошлом.

Понятия истории и коллективной памяти тесно связаны, взаимозависимы и обуславливают друг друга [53]. Тем не менее, возможно четко разграничить эти понятия: коллективная память – это и то, что помнит каждый человек из личного опыта, и то, что сохраняется в памяти общества без участия конкретной личности. Иначе говоря, как указывает М. Русу, «коллективная память состоит из совокупности личных воспоминаний об общественно значимых событиях в дополнение к воспоминаниям, унаследованным

исторически и общих для некоторого числа людей, которые формируют общество» [53].

Коллективная память и история представляют собой два разных подхода к прошлому [48]. Кроме того, коллективная память опирается на историю, чтобы легитимировать себя и подчеркнуть подлинность событий. История же обусловлена коллективной памятью, которая направляет исторические исследования в соответствии с особенностями определенных событий прошлого, имеющих особое символическое значение. В крайнем случае коллективная память указывает, какие заключения должны быть сделаны историческим исследованием, т.е. нравственные императивы коллективной памяти трансформируют историю в простую конформационную процедуру [54].

Обычно история служит источником для коллективной памяти, обеспечивая ее историческими деталями. Возможно и противоположное использование истории: она подвергает сомнению память общества, раскрывая правду о событиях. Использование истории, как утверждает М. Русу, обусловлено общественно-политическими обстоятельствами [53].

1.4 Понятие исторической памяти

Под исторической памятью понимают особую форму коллективной памяти, которая, помимо толкования исторических событий, помогает созданию общества. Несмотря на направленность на прошлое для обеспечения общей точки зрения, она необязательно отражает исторические реалии.

Историческая память подразумевает некоторую степень субъективности, поскольку выбор того, как помнить прошлое, включает оценку ценностей [43].

Следовательно, историческая память потенциально может стать инструментом для целенаправленного неправильного толкования или фальсификации истории [43]. Социальные институты работают над переработкой и адаптацией прошлого к текущим целям. Так, Ш. Линд указывает, что «Индивиды и группы могут припоминать и репрезентировать свое прошлое с самыми разными целями. Среди них – использование

прошлого для обоснования легитимности власти, предъявление прав на владение, утверждение политического или интеллектуального приоритета, обоснование стабильности, обнаружение божественного предопределения в истории, сравнение прошлого с настоящим с целью показать, что вещи стали хуже или лучше» [47].

В [9] А. Васильев отмечает, что использование памяти «сводится так или иначе к двум взаимосвязанным путям использования прошлого настоящим: идентификации и легитимации». Он соглашается с Ш. Линд в том, что для получения полного образа ситуации необходимо изучение текстовых данных, после без них «прочие носители памяти» не могут функционировать и не несут информацию.

Изучением исторической памяти и ее роли в общественно-политической жизни прошлого и настоящего занимаются, в основном, западные исследователи. К такому выводу мы пришли, изучив доступную литературу по этой проблематике; даже с учетом значительного количества отечественных публикаций можно утверждать, что практически все российские ученые ссылаются на положения, выдвинутые их иностранными коллегами.

1.5 Ресурсы исторической памяти

Прежде чем рассматривать ресурсы исторической памяти, определимся с общим понятием ресурса. Этимологически оно восходит к французскому языку, где *ressource* означает «вспомогательное средство» [29]. В книге «Политология. Словарь» ресурсы определяются как «денежные средства, ценности, запасы, возможности, источники средств, доходов».

В определении термина *ресурсы исторической памяти* мы опирались на статью А. Конык, в которой она трактует его как «потенциал, который был накоплен в матрице исторической памяти и который, при необходимости, активизируется в его носителе для того, чтобы он (носитель) смог обработать, понять и интерпретировать реальность» [46]. Исходя из предложенного определения, А. Конык выделяет следующие ресурсы исторической памяти:

- информационные – информация, понимание и знание прошлого в их ежедневном распространении; историческая память и символическое воплощение наследия идентичны распространению любой информации: 1) горизонтальное распространение – между поколениями и 2) вертикальное – межличностная коммуникация;
- когнитивные – концентрация на накоплении прошлого знания, использование прошлого в информационных процессах и идентификации;
- мифологические – потенциал метафорического моделирования прошлого;
- политико-идеологические – установление политической памяти и поддержание официального статуса версий прошлого как средства формирования определенных ценностей в сознании граждан;
- организационные – связаны с политикой памяти; могут быть рассмотрены как ее институализация;
- дидактические – метафоричное название этих средств – «уроки истории»; обращение к прошлому и его гиперболизация;
- интерпретационные – заполнение символических семантических полей альтернативными интерпретациями прошлого с согласия общества;
- экономические – возможность получить доходы от культурно-исторического наследия (часто используются СМИ, которые предлагают альтернативные версии с целью вызвать скандал);
- культурные – система концептов, норм традиций, идеалов и ценностей общества; восприятие прошлого и его отражение в исторической памяти зависят от социокультурных потребностей общества;
- духовно-религиозные – в матрице общества эти средства неотделимы от культурных средств; активизация духовных и

религиозных средств исторической памяти обнаруживается в обращении к религиозным традициям и культурному наследию;

- эмоциональные – большое разнообразие эмоционального опыта общества;
- ресурсы конфликта и его урегулирования – ресурсы, опирающиеся на историческую память прошлых конфликтов и их мирного разрешения; с их помощью в обществе могут быть созданы состояния напряжения или мира;
- мобилизационные/мотивационные – потенциал общества к самоорганизации, активации интеллектуальной, моральной, физической и материальной силы в условиях угрозы;
- военные – память о прошлых победах, легенды о непобедимых армиях, героях войны, героизме и самопожертвовании;
- империалистические – память об имперском опыте: возникновение империи, ее рост и экспансия, период расцвета, причины падения империи;
- ресурсы идентичности и самоидентичности – идентификация общества и самоидентификация личности в этом обществе; интерпретация реальных или воображаемых исторических событий, на основе которой моделируются ценности общества, приемлемые нормы и правила поведения.

Аллокацию этих средств А. Конык считает условной: они взаимосвязаны и употребляются одновременно. Интенсивность их употребления зависит от цели и запланированного влияния на аудиторию. Значительная роль в применении средств исторической памяти принадлежит СМИ. Использование соответствующих ресурсов исторической памяти и положительного исторического опыта составляет основу стабильного общественного сосуществования [46], где трагический исторический опыт выполняет регулятивную функцию для предотвращения повторения прошлых ошибок.

1.6 Значение исторической памяти

Коллективная память – и историческая как ее подвид – выполняют важнейшую функцию: они, как указывает Дж. Томпсон, являются источником национальной идентичности, создают общность и чувство принадлежности к обществу [55]. Тем не менее, как отмечает ученая, государства склонны поддержать «забываемость» некоторых событий, таких как совершенные нацией преступления или неудачи лидеров и политиков.

Вопросы изучения памяти о войне и ее последующей трансформации в разных социально-политических системах не оставляют без внимания. Так, в сборнике «Память о войне и международный опыт мемориализации ратного подвига...» отмечается, что «если говорить о государственной политике по проблеме памяти и вопросах мемориализации войны, то они достаточно хорошо разработаны в Западной Европе» [28], в чем мы убедились, изучив источники и, особенно, *European historical memory: policies, challenges and perspectives*. Однако было бы ошибочно говорить о том, что в России Вторую мировую войну не помнят. Именно историческая память об этой войне является, на наш взгляд, одним из ключевых элементов, из которых состоит современное российское общество.

1.7 Средства создания исторической памяти

В труде по психологии указано, что «настоящая память начинается только спустя шесть месяцев» [3]. Следует учитывать то, что коллектив авторов рассматривал память как феномен человека как личности. При изучении литературы по коллективной и исторической памяти нами не были найдены конкретные временные рамки закрепления события в этих видах памяти общества.

Д. Нун в своей статье о Второй мировой войне и исторической памяти, связанной с ней, указывает на то, что событие становится частью исторической памяти посредством «чрезмерного повторения» в дискурсе [50]. Для этого употребляются: метафора, метонимия, антропоморфизм, которые после их длительного использования становятся каноничными для нации и не

подвергаются сомнению. С помощью этих средств проводятся аналогии, опасность которых состоит в том, что они «сглаживают острые углы исторической памяти». По мнению Д. Нуна, национальная идентичность осознается только в «выборочной» памяти истории [50].

Таким образом, на основании изученных материалов можно заключить, что историческую память формирует дискурс посредством многократного повторения информации и проведения аналогий с помощью метафоры, метонимии и антропоморфизма.

Выводы по главе 1

В этой главе было рассмотрено понятие памяти в психологии, философии и *memory studies*. В психологии память является одним из ключевых понятий, обозначая фундаментальный и многосторонний процесс, связанный со всеми психическими функциями мозга человека. Философские трактовки памяти включают в себя указания на сущность памяти как медиатора между временем и пространством и отождествление памяти и прошлого. Мы остановились на определении памяти, данном П. Жане: память – это субъективная интерпретация события или факта, проведенная одним человеком или группой людей. Память структурируется с помощью языка и определяет место человека во времени и пространстве.

Становление *memory studies* можно считать важным этапом в антропологизации гуманитарных наук. Эта дисциплина рассматривает память не как феномен, присущий индивидуальному человеку, но как феномен, свойственный всем людям.

Рассмотрение классификаций памяти было проведено с учетом специфики нашего исследования; большая часть традиционной классификации памяти не может быть использована в исследовании военно-публицистического дискурса 1939-1945 гг. Тем не менее, такие виды памяти, как вербальная долговременная память (традиционные классификации) и коллективная историческая память будут рассмотрены в нашем исследовании применительно к формированию образа союзника во Второй мировой войне.

Знания, которые хранятся в долговременной памяти, могут влиять на то, что и как именно воспринимает человек.

Также были разграничены понятия истории и коллективной памяти. Несмотря на их взаимосвязь, можно сказать, что они представляют собой отдельные подходы к рассмотрению прошлого.

Историческая память является формой коллективной памяти. Ей свойственны субъективность и избирательность. Она создается путем многократного повторения информации в дискурсе. Часто прибегают к исторической аналогии, используя такие средства, как метафора, метонимия и антропоморфизм.

ГЛАВА 2   ДИСКУРС КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

2.1 Междисциплинарность понятия дискурс

Выяснив, что закрепление какого-либо факта в исторической памяти происходит путем его многократного повторения в дискурсе [53], изучим понятие «дискурс».

Дискурс является междисциплинарным понятием, единственно верного определения которого не существует [12]. Каждая научная дисциплина, оперирующая этим понятием, рассматривает его со своей точки зрения и учитывает специфику своего направления.

Этимологически слово «дискурс» восходит к греческому слову Διέξοδος – путь, рассказ, изложение; латинскому *discoursus* – аргумент, беседа; французскому *discourse* – речь.

2.2 Эволюция понятия *дискурс* в философии и лингвистике

В «Философском словаре» указывается, что дискурс – это «сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов, необходимых для понимания текста» [36].

В классической философии дискурс связан с выделением определенного вида мышления. Понятие применялось для характеристики «последовательного перехода от одного дискретного шага к другому» [25]. Дискурсивное мышление, заключающееся в последовательности понятий и суждений, противопоставляется интуитивному. Такое разделение приводится уже в эпоху Античности Платоном, который оперирует понятиями «ум» и «дискурсивный ум» [2], где первое понятие означает интуитивное мышление, а второе – дискурсивное.

Античным традициям понимания дискурса как вида мышления следуют и в Средние века. Так, итальянский философ Фома Аквитанский, противопоставляя дискурсивное и интуитивное знание, видит в дискурсивном мышлении движение интеллекта от одного объекта к другому [31].

XVII-XVIII вв. в истории понятия дискурс связаны с попытками объяснить различия между интуитивным и дискурсивным мышлением.

Представители французского философского постмодернизма (Ж. Гийом, П. Анри и др.) рассматривают дискурс «в его текстовом воплощении, взаимодействии дискурсов между собой в поле культуры» [15].

Значительный вклад в разработку этого понятия внес французский философ, исследователь культуры и истории Ж.-П. Фуко. Он рассматривает понятие «дискурсии» как сложную совокупность языковых практик, которые участвуют в формировании представлений об объекте, «который они подразумевают» [44]. Дискурс, по М. Фуко, представляет собой большее, чем способы мышления и создания значения; это сущность человека (“nature”), сознательное и бессознательное, а также эмоции [44].

Такое понимание «дискурсии» означает то, что основное внимание уделяется не денотативному компоненту, но контекстуальному: по мнению философа, языковое высказывание приобретает новое значение, невысказанное, но становящееся понятным при учете экстралингвистических факторов. Отсюда, по Фуко, возможно выделение таких видов дискурса, как экономический, политический, военный и т.д. Таким образом, П.-М. Фуко понимает под дискурсом «совокупность высказываний, принадлежащих к одной и той же системе формаций» [32].

Принято считать, что существует связь дискурса и активности языка, которая соответствующей определенной языковой сфере. Кроме того, дискурс обладает особой лексикой. Создание дискурса осуществляется по определённым синтаксическим правилам и с учетом семантики, чем объясняется его ограничительный характер. Итак, дискурс создаётся в определённом смысловом поле и передает конкретные смыслы, поскольку он нацелен на коммуникативные действия со свойственной им грамматикой. Основным критерием дискурса является определенная языковая среда, в которой создаются языковые конструкции. В таком понимании дискурс – это «язык в языке», т.е. определённая лексика, семантика, прагматика и синтаксис,

которые проявляют себя как «идеология в актуализируемых коммуникативных актах, речи и текстах» [26,52].

В работе Т. ван Дейка «Дискурс и власть» под дискурсом понимается «только специфичное коммуникативное событие в общем и письменная или устная форма взаимодействия или использования языка в частности. Ученый отмечает, что понятие «дискурс» также используется в родовом смысле для обозначения типа дискурса, совокупности дискурсов или же класса дискурсивных жанров, например, когда речь идет о «медицинском дискурсе», «политическом дискурсе» или же «расистском дискурсе» [13].

В более широком смысле к дискурсам могут относиться невербальные выражения, например: рисунки, картины, жесты, мимика и т. д. [13]. Такое понимание дискурса сближает идеи Т. ван Дейка с теорией Ю. Лотмана о сущности текста [14, 30]. Поскольку данная работа имеет своей целью изучить возможности лингвистического моделирования образа союзника, мы не углублялись в упомянутые выше теории о невербальном дискурсе.

Важным представляется то, что Т. ван Дейк не интерпретирует дискурс как философию, идеологию, социальное движение или социальную систему. Он отмечает, что «многие формы социального неравенства, основанного... на гендерных, классовых и расовых различиях, констатируются, закрепляются и легитимируются с помощью устных и письменных текстов и в особенности с помощью различных видов публичного дискурса, контролируемого символическими элитами – политиками, журналистами, учеными, писателями и чиновниками» [13].

В своей статье С.Э. Кегейн, ссылаясь на авторитетные источники, указывает, что дискурс – это речь «в рамках социокультурного контекста» [20], т.е. в ее понимании дискурс является устным или письменным текстом, порожденным под влиянием определенных (социокультурных) факторов.

Итак, невозможно дать определение понятию дискурс в отрыве от лингвистической традиции научной школы.

2.3 Разделение понятий текст и дискурс

В современной лингвистике принято разделение понятий текст и дискурс. Стоит отметить, что, подобно отсутствию единого понятия дискурса, текст также не имеет общепринятой дефиниции, что, возможно, объясняет, почему, по мнению некоторых ученых, эти схожие понятия синонимичны и взаимозаменяемы.

Текст традиционно трактуется как несколько предложений, связанных общим смыслом [27]. Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю», он обязательно должен обладать следующими свойствами: связность, цельность [23]. Когда говорят о связности, подразумевают, насколько правильно построен текст; в художественных текстах это свойство изучает нарративная грамматика. При анализе текстов цельность не обязательно синонимична законченности [29]: декодирование смысла возможно либо по нахождении полного варианта, либо при учете лингвистических и экстралингвистических факторов написания текста.

По мнению Ю.М. Лотмана, любой объект действительности можно назвать текстом, если его можно «прочитать», т.е. если он посредством каких-либо знаков передает информацию [24]. На наш взгляд, это определение слишком широко – если следовать логике этого ученого, здание, манера поведения или речевое сообщение могут считаться текстом.

В.Е. Чернявская приводит следующее определение текста: «структура, возникающая в процессе коммуникативно-речевой деятельности» [38] под воздействием определенной совокупности факторов, как лингвистических, так и экстралингвистических. Последние факторы, по мнению ученого, и обеспечивают такое свойство текста, как цельность. Только приняв во внимание совокупность экстралингвистических (таких как коммуникативный, социокультурный, когнитивный) и лингвистических факторов, можно объяснить сущность текста [38]. Такая трактовка понятия является основой для разделения понятий текст и дискурс.

В.Е. Чернявская предлагает традиционное определение дискурса: дискурс – это текст, неразрывно связанный с контекстом [38]. Если принять такое понимание дискурса, то можно утверждать, что дискурс – это процесс, имеющий своим результатом текст.

Интересна трактовка дискурса Ф. Нельсоном в его статье “What is discourse analysis?”: признавая сложность определения этого термина, он вместе с тем находит более узкое определение, подходящее его исследованию. Он останавливается на трактовке дискурса как «взаимосвязанного набора текстов и практик их производства, распределения и рецепции» [51], которые в своей совокупности формируют объекты реальной действительности. По мнению Ф. Нельсона, именно в рамках дискурсов реальность создается и становится действительностью; более того, без отнесения к дискурсам невозможно полностью понять социальные взаимодействия, поскольку именно в дискурсах формируются их значения [51].

Понятия текст и дискурс могут быть использованы как равноценные и взаимозаменяемые: оба термина указывают на устную и письменную речь, а также на гибридные формы речи (например, SMS, посты в социальных сетях), которые обладают свойствами обеих форм речи [45]. Тем не менее, А. Годдард утверждает, что между текстом и дискурсом существует разница при учете «масштабов коммуникации и участия личности»: текст – это «микро-фокус» (micro-focus), дискурс – более широкое понятие.

Таким образом, согласно точке зрения Ф. Нельсона, дискурс и текст взаимозависимы: совокупность текстов составляет дискурс, который реализуется с их помощью; однако сам дискурс существует вне конкретных текстов [51]. Текст можно рассматривать как материальное воплощение дискурса.

Следовательно, все вышесказанное позволяет утверждать, что в понятиях текст и дискурс можно установить определенную иерархичность: текст – один из компонентов, составляющих материальную часть дискурса, однако дискурс не сводится к определенному набору составляющих его текстов; это понятие

гораздо шире. В качестве рабочего определения дискурса мы выбрали трактовку Ф. Нельсона.

2.4 Военно-публицистический дискурс как вид институционального дискурса

Вслед за В.И. Карасиком скажем, что дискурс можно разделить на два вида: персональный (лично-ориентированный) и институциональный. Как указывает ученый, в институциональном дискурсе «говорящий ... выступает как представитель определенного социального института» [18]. Основным дискурсогенным фактором в случае институционального дискурса – это общность участвующих в дискурсивной практике основ образования дискурса [19,33].

Приведем определение институционального дискурса, данное В.И. Карасиком: институциональный дискурс – это дискурс, который определяется типами сложившихся в обществе социальных институтов. Он может быть охарактеризован рядом лингвистически релевантных признаков, из которых наиболее важными являются цель общения, представительская коммуникативная функция его участников и фиксированные типовые обстоятельства общения [19].

Военно-публицистический дискурс можно рассматривать как вид институционального дискурса. Его часто относят к гибридным форматам, поскольку он «представляет собой сочетание дискурс-основ» [34]: военного и публицистического дискурсов. Одним из характерных отличий этого вида дискурса от военно-политического (также имеющего гибридный формат) является компонент «Агент военно-политического дискурса – независимые СМИ»; для военно-политического – агентами являются политические деятели и государственные СМИ.

2.5 Метод метафорического моделирования

Когнитивная метафора может быть определена как основная ментальная операция, способ познания и категоризации мира [39]. Знания, которые фиксируются в когнитивной системе человека, есть обобщение опыта

взаимодействия человека с окружающим миром, которое отражается на языковом уровне, в частности в виде метафор. Как указывает А.П. Чудинов, «человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адреса языковую картину мира» [39]. Он считает, что метафорические образы изначально заложены в интеллектуальной системе человека. Следовательно, можно заключить, что метафоричность является естественной для человека: это когнитивные процессы мышления и восприятия окружающего человека мира, отражающиеся в языке. Так, А.П. Чудинов считает, что метафора отражает «национальное сознание, в том числе сущности политической жизни и взаимосвязи различных сфер человеческого бытия» [39].

Процесс метафоризации основан на взаимодействии таких структур, как структура источника (source domain) и структура цели (target domain); в течение этого процесса происходит метафорическая проекция (metaphorical mapping), в результате которой «некоторые области цели структурируются по образцу источника» [4]. Ученый отмечает, что область источника представляет собой «обобщение опыта практической жизни человека в мире».

Приняв факт того, что человек мыслит метафорами, мы также принимаем и то, что ключевая роль в этом процессе принадлежит языку: мышление (когнитивная функция метафоры) и передача информации (коммуникативная функция метафоры) невозможны без языка. А.П. Чудинов отмечает, что метафора как форма коммуникации более удобна и экономична. Более того, ее преимущество заключается в эффекте балансирования между сказанным и несказанным, «в известной условности и вместе с тем в особой значимости метафорической концептуализации мира» [39].

Отдельная метафорическая модель, используемая конкретным человеком, отражает лишь его мировоззрение. Для получения более точной и полной картины необходимо сопоставить каждую метафору с множеством других.

Тем не менее, А.П. Чудинов отмечает, что возможность проведения такого исследования в рамках одного государства гипотетична: для выявления общих закономерностей в «метафорической картине политического мира, существующего на данный момент в национальном сознании», необходимо сравнить выявить политические метафоры, сравнить их системы в разных языках [39].

Метафору можно назвать самым эффективным средством изменения существующей в сознании человека политической картины мира и исторической памяти, поскольку она формирует необходимое отношение к событию, воздействуя на эмоциональную сферу личности.

Рассмотрев понятие метафоры в когнитивной лингвистике, перейдем к понятию метафорической модели. В настоящей работе мы опираемся на вариант теории метафорического моделирования, выдвинутый А.П. Чудиновым, который расширил классическую теорию Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

Изучив монографии А.П. Чудинова [39] и Э.В. Будаева [8], мы выделили следующие определения метафорической модели:

- «множество метафор, которые используются в политической коммуникации»;
- «важная часть национальной языковой картины мира, национальной ментальности, тесно связанная с историей народа и современной социально-политической ситуацией»;
- «существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «X – это Y».

А.Н. Баранов приводит следующее определение метафорической модели: «множество сигнификативных дескрипторов, объединенных общей темой» [4]. Тем не менее, его трактовка этого понятия отличается от принятой в когнитивной теории метафоры.

На наш взгляд, последнее определение, данное А.П. Чудиновым, наиболее полно отражает сущность понятия метафорическая модель. Именно его мы использовали при проведении анализа данных корпуса.

А.П. Чудинов отмечает, что метафорические модели способны взаимодействовать друг с другом. Исходя из этого, ученый выводит определение метафорической картины мира как системы метафорических полей, «свойства которой во многом аналогичны свойствам системы лексико-грамматических полей» [39] (т.е. иерархическое устройство, пересекаемость, полевая организация).

Таким образом, рассмотрев понятия когнитивной метафоры, метафоризации и метафорической модели, мы решили при проведении дальнейшего исследования опираться на определение А.П. Чудинова, которое может быть кратко сформулировано как *X – это Y*.

2.6 Проявление оппозиция «свой–чужой» в дискурсе

Принимая во внимание то обстоятельство, что в состав антигитлеровской коалиции входили страны, сильно отличавшиеся идеологией и формами государственного устройства, представляется логичным рассмотреть оппозицию «свой-чужой» и способы ее выражения в дискурсе. Нам кажется вероятным предположение, что она будет присутствовать в образе Советского Союза.

Как справедливо отмечает П. Канчани, «политическая деятельность является общественным институтом, который закрепляется в социальных правилах, ритуалах, формулах и нормах, имеющих речевое выражение» [17]. Следовательно, именно качественная лингвистическая интерпретация является основой в решении политических проблем, т.е. политика имеет дискурсивный характер.

Оппозиция «свой-чужой» является семантической универсалией, которая наиболее ярко проявляется в политической коммуникации. Она реализуется посредством включения в дискурс языковых и неязыковых средств, с помощью которых политик эффективно воздействует на слушающих или

читающих его речь. Как отмечает П. Канчани, адаптация исходного текста, в котором нейтрально выражается политическая идея, к конкретной ситуации, личностным особенностям говорящего и к определенной аудитории, является действенным инструментом организации текста с целью оказания необходимого влияния. Кроме того, оппозиция «свой-чужой» лежит в основе концепта «борьба за власть».

Мы согласны с [1] в том, что язык прессы можно считать разновидностью политического дискурса, поскольку в средствах массовой информации осуществляется политическая коммуникация с целью распространения политической идеологии. Пресса является основным источником информации о событиях в мире, следовательно, она является средством формирования общественного мнения о происходящем в стране и мире. При этом средства массовой информации апеллируют к системе норм и ценностей, которая уже является сформированной в обществе. Следовательно, исследование дискурса прессы позволяет определить как векторы формирования общественных стандартов, так и культурный и политический контексты текста.

Оппозиция «свой-чужой» может быть осуществлена в плоскости общепринятых представлений о мире. На этом уровне в основе оппозиции лежит национальная идентичность, где «своим» являются концепты «я» и «такие, как я», а «чужими» – люди другой национальности или государства.

Следовательно, оппозиция «свой-чужой» является основой политического дискурса. Самоопределение в ней происходит посредством отождествления себя с другими субъектами или объектами на следующих основаниях: общность территории, образ жизни, система ценностей и норм, социальные установки. Исходя из этого, нам представляется логичным предположить, что в образе одного из союзников по антигитлеровской коалиции оппозиция «свой-чужой» найдет отражение в материалах британского и/или американского военно-публицистического дискурса.

Выводы по глава 2

В главе 2 было рассмотрено понятие дискурса как способа реализации исторической памяти. Приняв во внимание то, что этим понятием оперируют многие дисциплины, а также то, что единственного его определения не существует, мы остановили внимание на понятии дискурса в философии и лингвистике. Каждая научная дисциплина трактует дискурс со своей точки зрения. Наиболее полным определением дискурса, в котором также прослеживается его связь с лингвистической трактовкой, является определение, данное в «Новом философском словаре». Что касается определения дискурса в лингвистике, определение, данное Ф. Нельсоном, представляется нам наиболее подходящим для проведения нашего исследования, т.к. оно четко проводит разграничение между дискурсом и текстом.

Изучив понятие дискурса, мы рассмотрели военно-публицистический дискурс как вид институционального дискурса. Поскольку целью настоящей работы является изучение сопоставительного моделирования образа союзника в военно-публицистическом дискурсе Великобритании и Соединенных Штатов Америки и, как было показано в главе 1, определенная интерпретация событий закрепляется в исторической памяти посредством многократного повторения образных единиц (метафор), мы рассмотрели понятия когнитивной метафоры и метафорической модели. Рабочей теорией метафорического моделирования была выбрана теория А.П. Чудинова, суть которой может быть сформулирована как $X - это Y$.

Исходя из предположения, что в практической части нашего исследования нам может встретиться оппозиция «свой-чужой», мы рассмотрели ее сущность и один из способов ее проявления: поскольку мы изучаем материалы военно-публицистического дискурса Британии и США, проявление этой оппозиции в языке средств массовой информации представляется нам весьма вероятным.

ГЛАВА 3 СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБРАЗА СОЮЗНИКА

3.1 Названия Второй мировой войны как отражение национальной специфики исторической памяти

О Второй мировой войне написано несчетное количество книг и статей, снято множество документальных и художественных фильмов. Мир помнит эту войну и стремится избежать Третью мировую войну: оценка последствий Второй мировой и достижения современных науки и техники, как часто утверждают, позволяет говорить о том, что мир не переживет еще одну мировую войну.

Оценка и память о Второй мировой войне наглядно отражается в существовавшие в разные периоды ее названия: страны-участницы часто называют ее по-разному и дают разные хронологические рамки в зависимости от даты вступления в войну и исторических обстоятельств. Общепринятая дата начала Второй мировой войны – 1939; дата ее окончания – 1945 г. В России эту войну называют Великой Отечественной, хронологические рамки – 1941-1945 гг.; в Китае эта война называется Войной сопротивления против Японии; в Японии – Японско-китайская война; и в Китае, и в Японии считают датой начала войны 1937 г. В Эфиопии указывают, что война началась в 1935 г. с нападения Италии на это государство.

Президент Соединенных Штатов Франклин Д. Рузвельт назвал войну Второй мировой – в сопоставлении с Первой мировой, которую американцы называли Европейской войной; премьер-министр Великобритании У. Черчилль также назвал ее Второй мировой войной в своих мемуарах “The world crisis”.

Таким образом, можно говорить о том, что различаются в первую очередь не названия этого глобального военного конфликта, а само понимание войны в зависимости от страны.

3.2 Выбор источника материалов для проведения исследования

Для осуществления нашего исследования нам был необходим доступ к большому количеству аутентичных материалов военно-публицистического дискурса периода Второй Мировой войны. Для большей достоверности данных и исключения какого-либо последующего редактирования текстов, которое могло бы исказить представление о событиях войны, мы решили, что материалы должны быть отсканированными копиями оригинальных статей. Это позволило бы исключить возможность какого-либо вмешательства и исправления текста. Кроме того, материалы должны были быть сохранены в хорошем качестве и не затруднять работу из-за трудности их прочтения. Для облегчения работы с источником, материалы должны были быть доступны для скачивания. Последний критерий отбора ресурса-источника – свобода доступа: мы не ставили перед собой цели работать с засекреченными материалами. Напротив, мы считаем, что исследование должно проводиться на доступных всем документах для обеспечения его открытости, проверяемости и объективности.

Итак, отбор источника материалов военно-публицистического дискурса должен, по нашему мнению, соответствовать следующим параметрам: 1) количество аутентичного материала; 2) вид представления материала; 3) качество сканирования; 4) доступность скачивания; 5) доступ к ресурсу-источнику.

Исходя из заявленных критериев, наш выбор ресурса-источника остановился на *The British Newspaper Archive* (в дальнейшем – *BNA*) для отбора материалов британского военно-публицистического дискурса и *Chronicling America. Historic American Newspapers* (в дальнейшем – *CA*) для отбора материалов американского военно-публицистического дискурса. Эти ресурсы, на наш взгляд, наиболее полно соответствуют перечисленным критериям (см. табл.3.1).

Единственное существенное отличие *BNA* и *CA* – это предоставление доступа к материалам ресурса. Для свободного и неограниченного

использования ВНА требуются регистрация и оформление подписки (на 1 месяц, 3 месяца или 12 месяцев). Использование СА не требует регистрации и денежных средств.

Таблица 3.1 – Соответствие ВНА и СА заявленным критериям

2.1 Параметр	The British Newspaper Archive	Chronicling America
Количество аутентичных материалов	36 964 272 (постоянно пополняется)	16 270 824 (постоянно пополняется)
Вид представления материала	Отсканированные газетные страницы	Отсканированные газетные страницы
Качество сканирования	Высокое	Высокое
Доступность скачивания	+	+
Доступ к ресурсу-источнику	Ограниченный	Свободный

Кроме того, данные ресурсы имеют удобный инструментарий поиска (см. рис. 3.1 и 3.2): они позволяют осуществить простой поиск по слову или фразе либо расширенный поиск с учетом параметров, заданных исследователем. Также доступна различная сортировка результатов поиска: по дате публикации документа; по дате добавления документа на ресурс; по релевантности.

Рисунок 3.1 – Параметры расширенного поиска ресурса *Chronicling America*

Рисунок 3.2 – Параметры расширенного поиска *British Newspaper Archive*

Таким образом, нами были выбраны ресурсы-источники для отбора документов британского (BNA) и американского (CA) военно-публицистического дискурсов. Эти сайты хранят значительное количество документов, удобны в использовании и имеют приемлемый инструментарий поиска.

3.3 Параметры поиска в The British Newspaper Archive и Chronicling America

После принятия решения о выборе BNA и CA в качестве источников для отбора материала британского и американского военно-публицистических дискурсов, мы приступили непосредственно к отбору параметров поиска, соответствующих целям нашего исследования, приняв во внимание особенности функционирования этих Интернет-ресурсов.

Так, мы решили, что поиск должен быть расширенным (Advanced Search), что позволит нам уточнить рамки поискового запроса. Для анализа моделирования образа каждой страны (СССР, Британии, и США) был задан отдельный поисковой запрос, каждый из которых включал в себя следующие

ключевые слова: название/-я страны; относительное прилагательное (дериват от имени собственного / названия страны).

Авторы сочли логичным проследить динамику образа союзников по схеме «начало – решающий период – окончание». Изучив доступные нам материалы по истории Второй Мировой войны, мы остановились на следующих датах: 1) 1 сентября – 31 декабря 1939 г.; 2) 1 января – 31 декабря 1943 г.; 3) 1 января – 2 сентября 1945 г. Указанные временные периоды, по нашему мнению, наиболее полно отражают схему «начало – решающий период – окончание».

Выбор именно 1939, 1943 и 1945 гг. в качестве синхронных срезов объясняется несколькими факторами. Во-первых, 1939 год – это год начала Второй мировой войны; в этом году антигитлеровской коалиции не существовало в принципе. Особенный интерес представляет политика каждой из будущих стран-союзниц в отношении фашизма. Во-вторых, 1943 год – переломный в истории войны [2; 11]; Антигитлеровская коалиция уже была сформирована и предпринимала активные действия в борьбе с фашизмом. В-третьих, 1945 год – год окончания Второй мировой войны и триумфа союзников, который должен быть стать определяющим в выборе дальнейшего курса действий. Инструментарий каждого из ресурсов (BNA и CA) позволил нам уточнить временные рамки с точностью до дня, поэтому изначально были заданы периоды начала войны (1 сентября 1939 г.) и окончания календарного года (31 декабря 1939 г.), начала календарно года и его окончание (1 января 1943 г. – 31 декабря 1943 г.), начала календарного года и окончания Второй мировой войны (1 января 1945 г. – 2 сентября 1945 г.).

Итак, были выбраны следующие параметры поиска (см.табл.3.2): расширенный поиск, временной период, ключевое слово (название страны), дериват от названия страны. Помимо этого, был принят во внимание тот факт, что у названия страны могли быть варианты (например, Советский Союз часто называли Россией).

Таблица 3.2 – Параметры поиска в корпусах *BNA* и *CA*

Критерий	The British Newspaper Archive и Chronicling America
Вид поиска	Advanced (Расширенный)
Период	1 September 1939 – 31 December 1939 (1 сентября – 31 декабря 1939); 1 January 1943 – 31 December 1943 (1 января 1943 – 31 декабря 1943); 1 January 1945 – 2 September 1945 (1 января 1945 – 2 сентября 1945)
Ключевое слово 1	official name of the country (официальное название страны)
Ключевое слово 1* (дополнительно)	variant of naming the country (вариант названия страны)
Ключевое слово 1** (дополнительно)	variant of naming the country (вариант названия страны)
Ключевое слово 2	relative adjective derived from the name (относительное прилагательное, производное от названия страны)

Параметры поиска по отношению к каждому государству-участнику коалиции приведены в таблице 3 (см. табл. 3.3).

Таблица 3.3 – Параметры расширенного поиска применительно к каждой стране

Критерий	СССР	Британия	США
Период	1 September 1939 – 31 December 1939); 1 January 1943 – 31 December 1943; 1 January 1945 – 2 September 1945	1 September 1939 – 31 December 1939); 1 January 1943 – 31 December 1943; 1 January 1945 – 2 September 1945	1 September 1939 – 31 December 1939); 1 January 1943 – 31 December 1943; 1 January 1945 – 2 September 1945
Официальное название государства	Union of the Soviet Socialist Republics	United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland	United States of America
Вариант названия	U.S.S.R.	Britain	USA

Вариант названия	Russia	UK	US
Относительное прилагательное, производное от названия страны	Soviet	British	American

Вышеназванные параметры были применены для создания поисковых запросов. Для каждой страны был задан отдельный поисковой запрос (по 3 для конкретного военно-публицистического дискурса). Общее количество запросов на сайтах *BNA* и *CA* – 18. Количество статей, соответствующих заданным параметрам, показано в таблице 4 (см.табл. 3.4).

Таблица 3.4 – Количественные результаты поисковых запросов

	The British Newspaper Archive			Chronicling America		
	СССР	Британия	США	СССР	Британия	США
1939 г.	1 207	30 860	9 408	1 410	2 728	9 322
1943 г.	1 121	19 516	3 106	4 984	11 487	35 447
1945 г.	530	14 025	1 965	2 936	6 295	20 847

Квантитативный анализ полученных данных показывает, что и в Британии, и в Соединенных Штатах Америки наибольшее число публикаций касалось именно этих стран, причем для Британии это число приходится на 1939 г. – время начала Второй Мировой войны. Для США – на 1943 г., период, когда антигитлеровская коалиция была полностью сформирована и переломила ход войны в свою пользу.

Результаты сопоставления количественных данных позволяют утверждать, что Британия и Соединенные Штаты представляли друг друга близкими соратниками, о чем говорит число публикаций о каждой из этих стран в другой. США принадлежит второе место по числу публикаций в Британии; Британии принадлежит также второе место по числу публикаций – в США. По нашему мнению, это объясняется общностью языка и истории, а также культурной близостью этих стран. Касательно СССР можно указать то, что в начале войны Советский Союз считали в лучшем случае нейтральным государством, в худшем – союзником Германии. И, несмотря на вынужденное

вступление СССР в войну против фашизма, события 1939 года не были забыты. Также стоит отметить, что СССР мог быть непонятен западным союзникам по причине разницы в политических режимах и идеологии. Этим, по нашему мнению, можно объяснить небольшое число публикаций о нашем государстве и в Британии, и в США.

Интересна тенденция, прослеживаемая при сопоставлении количественных данных. Так, в Британии абсолютное большинство публикаций относится к 1939 г., наблюдается постоянное снижение числа публикаций более чем на 50% к 1945 г.: если в 1939 г. о Британии было 30 860 статей, то в 1943 г. – 19 516, и в 1945 г. – 14 025. Это утверждение верно и для публикаций о США и СССР. В военно-публицистическом дискурсе США наблюдается иная картина: наибольшее число публикаций относится к 1943 г., наименьшее – к 1939 г. На наш взгляд, такое расхождение объясняется историческими фактами: в 1939 г. Британия была одной из первых стран, объявившей войну фашисткой Германии; Соединенные Штаты вступили во Вторую Мировую войну в декабре 1943 г.

Приняв во внимание общее значительное количество публикаций (177 223) и невозможность качественной обработки такого объема данных, мы решили проанализировать корпус, составленный из относительной выборки статей. 12 месяцев (календарный год) был принят за единицу расчета.

Таблица 3.5 – Количество материала, вошедшего в корпус исследования

Год	Доля от единицы расчета	The British Newspaper Archive	Chronicling America	Общее число источников
1939	0,3	33	33	198
1943	1	100	100	600
1945	0,75	75	75	450

В соответствии с этим было рассчитано число исследовательского материала, который должен войти в корпус (см.табл.5). Итак, всего в корпус исследования вошли 1 248 публикаций, из которых были выбраны когнитивные метафоры. Анализ метафор позволяет смоделировать образ государства в указанные периоды (1939 г., 1943 г., 1945 г.). Итак, перед нами

стояла следующая задача – проанализировать отобранные статьи, найти метафоры и изучить их, применяя метод метафорического моделирования А.П. Чудинова, суть которого можно объяснить формулой «X – это Y» [6].

3.4 Анализ модерирования образа союзника на основе данных британского военно-публицистического дискурса

3.5.1 Образ союзника в 1939 г

3.5.1.1 Образ Советского Союза

Приступив к изучению возможности моделирования образа СССР в 1939 г., мы приняли во внимание тот факт, что наше государство вступило во Вторую Мировую войну в июне 1941 г. Тем не менее, позиция Советского Союза имела значительное влияние в мировой политике.

В самом начале войны британские журналисты цитировали речь В.М. Молотова, министра иностранных дел СССР (1939–1949 гг.), о нейтралитете Советов. Во всех публикациях его называли *the Soviet prime-minister* (советский премьер-министр), что является ярким примером адаптации перевода к реалиям Британии. 1 сентября 1939 г. можно считать точкой отсчета формирования образа СССР, где он считался нейтральным государством. Введение советских войск в Польшу стало причиной начала негативного восприятия образа СССР. С 17 сентября (дата советской интервенции в Польшу) и до конца 1939 г. образ нашего государства неуклонно ухудшался. Анализ корпуса статей «BNA: СССР в 1939 г.» позволил выделить 3 ведущие метафоры (см.табл.3.6), которые наглядно демонстрируют негативную динамику восприятия нашего государства в Британии. Учитывая то, что Советская Россия вступит в войну в июне 1941 г., в метафорических моделях мы использовали уточнение «будущий». Во всех приведенных примерах сохранена оригинальная орфография.

Таблица 3.6 – Ключевые метафоры в моделировании образа СССР в 1939 г.

Метафора	Metaphor
(Будущий) Союзник – Тайна	(Future) Ally is Mystery
(Будущий) Союзник – Лжец	(Future) Ally is Liar

Метафору «(Будущий) Союзник – это Тайна» можно назвать ведущей. В ходе первых месяцев войны, как показывает анализ корпуса, британцы признавали невозможность предсказания действий СССР: даже акт агрессии не был достаточным основанием для вынесения определенного вердикта (*without being a prophet one can only predict that Molotov, while supporting Germany's claims will none the less affirm the absolute neutrality of the U.S.S.R.*). Для создания более яркого образа непредсказуемой страны журналисты прибегли к использованию фразеологизма (“*how the car will jump*”), который в сочетании с эпитетом *uncertain* подчеркивает неуверенность британцев. Интересным является написание фразеологизма: он заключен в кавычки; это может быть объяснено, как нам кажется, тем, что фразеологизм использовался для описания политических действий государства, чтобы образно подчеркнуть непредсказуемость СССР (*it still remains uncertain how “the car will jump” despite the fact that on the face of things it appears the two powers – Germany and Russia – have come to an understanding over the demarcation of Polish territory*). Вместе с тем, читателям постоянно напоминают об отношениях СССР и Германии: фактом является то, что эти государства достигли взаимопонимания.

Метафора «(Будущий) Союзник – это Лжец» моделирует восприятие ввода советских войск вначале в Польшу и, затем, – в Финляндию. После интервенции в Польшу СССР обвиняют в том, что в основе государства положены принципы, которые не существуют в реальности (*the Soviet actions yesterday morning demolishes ... the Russian claim ... that one fundamental of Sovietism was that it had no aggressive designs on other peoples*). Помимо прямого обвинения во лжи, журналисты также прибегают к метафоре как к средству упрощения политических действий. Так, во фразе *the U.S.S.R.'s ideological swindle [is] manifesting itself again and again this year* утверждаются как факты следующие положения: 1) СССР «подстраивает» свою идеологию под свои цели; 2) действия СССР очевидны для всех; 3) в 1939 г. эти действия

предпринимаются неоднократно, на что указывает повтор слов (again and again). Яркая метафора, описывающая реакцию Британии к русско-финской войне 1939 г., также служит подтверждением того, что в этом году СССР – это лжец, что было неожиданностью для сторонников Советов (*the friends of Russia have received such a shock that they are only just catching their breath*). С помощью риторического вопроса (*Whoever thought...?*) подчеркивается неожиданность выбора курса Советским Союзом. Антонимичность заявлений и действий Советской России подчеркивается фразой ... *that U.S.S.R. after claiming to be peace champions ... should have first formed a partnership with the biggest villain the world has known and then to have become so impregnated with the German infection that the Russians now seem anxious to surpass their partners in the bombing of women and children in Finland*.

Введение советских войск в Польшу и раздел этой страны по договору с Германией был воспринят в Британии как преступление, на что указывает такая фраза, как *Germany and Russia have entered into a partnership to commit robbery with violence and to divide the spoils allowing the victim to retain a small part of her possessions under control of the thieves*. В этой фразе явно видна метафора грабежа, где четко прослеживаются «преступники» (Германия и СССР) и «жертва» – Польша, в отношении которой было совершено противоправное действие (на что указывает словосочетание *to commit a robbery*). Даже без уточняющего прямого дополнения *a robbery*, значение *to commit* навряд ли бы воспринималось нейтрально, учитывая контекст фразы. Кроме того, первое лексическое значение, указанное в словаре, – это “to do something illegal or something that is considered wrong” [41]. Приведем еще один пример, где факт сговора СССР и Германии с целью «грабежа» преподается как факт: *sometimes “thieves” (Russia and Germany) fall out over the “sway”*. В этой фразе метафора грабежа не является новой информацией, она служит предпосылкой к негативному восприятию всей последующей информации о борьбе за влияние между этими государствами. Использование кавычек

(“sway”) ясно говорит о том, что в Британии ставили под сомнение наличие влияния у Германии и СССР.

Таким образом, проведенный анализ позволяет нам утверждать то, что действия Советского Союза воспринимались неоднозначно. С 1 сентября по 31 декабря 1939 г. прослеживается отрицательная динамика в восприятии образа нашего государства (см.рис.3.3).

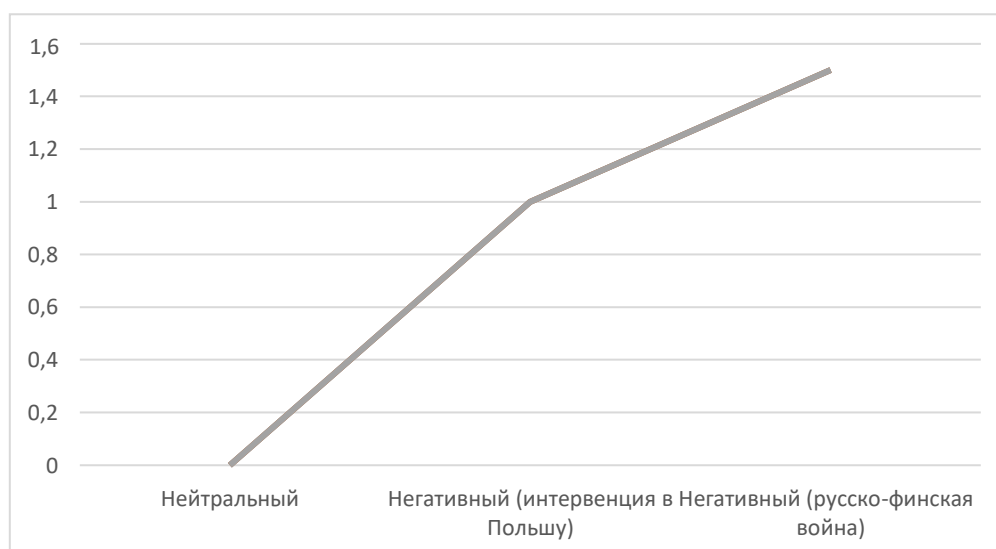

Рисунок 3.3 – Динамика образа СССР в 1939 г.

Проведенное метафорическое моделирование позволяет сделать следующий вывод: точками преломления восприятия Советского Союза можно считать 3 события начала Второй Мировой войны: 1) объявление нейтралитета; 2) ввод советских войск в Польшу; 3) русско-финская война.

3.5.1.2 Образ Британии

Анализ корпуса позволил выделить две равноправно важные метафоры в описании британскими журналистами своей страны: *Союзник – это Крестоносец* и *Союзник – это Демократ* (см.табл.8).

Таблица 3.7 – Ключевые метафоры в моделировании образа Британии в 1939 г.

Метафора	Metaphor
Союзник – это Крестоносец	Ally is Crusader
Союзник – это Демократ	Ally is Democrat

Обращение к чувствам верующих христиан свойственно политическим лидерам Британии в начале войны. Именно борьбой за правое дело объясняется вступление Королевства в войну. На наш взгляд, метафора *Союзник – это Крестоносец* наиболее ярко видна в речи Н. Чемберлена, премьер-министра Великобритании в 1939-1943 гг. Так, в обращении к нации в сентябре 1939 г. он начинает свою речь со слов “*Now may God bless you all. May we defend the right.*” Параллелизм конструкций указывает на наличие логической связи между этими фразами: Бог с теми, кто защищает правду. Британия делает именно это, объявляя войну Германии – о чем в начале обращения не сказано ни слова. Премьер-министр выражает уверенность в правоте и победе своей страны (*I am certain the right will prevail*) с помощью модального глагола *will*, усиленного не менее категоричной вводной фразой *I am certain*. Более того, Британия представляется правым государством, сражающимся со злом: *it is evil things that we shall be fighting against: Brute force, bad faith, injustice oppressions and persecution*. Написание *Brute* с заглавной буквы следует, на наш взгляд, трактовать как прямую аллюзию на поступок Марка Брута (убийство Цезаря). В пользу этой точки зрения может говорить и грамматическая форма *Brute* – в латинском языке это вокатив от *Brutus*. Таким образом, премьер-министр говорит о том, что британцы будут сражаться с жестокой и одновременно предательской/непредвиденной силой Германии, искажением христианской веры и несправедливыми деяниями фашизма.

Вторая доминирующая метафора, по нашему мнению, неотделима от приведенной выше. Противопоставление Британии и Германии можно наблюдать во фразе *British democracy [is] on its trial in contest with dictatorship*, где демократия (Британия) сражается с тоталитарным режимом (Германия) с целью борьбы за существование, о чем говорится во фразе *fighting to retain their [Britain's and France's] existence as free, independent and sovereign states*. По мнению прессы, Германию ожидало поражение от демократического союза

Британии и Франции, которые представляли собой *a combination of freedom loving nations*: демократия выдержит проверку (*a trial*) и восторжествует.

Итак, образ Британии в британском военно-публицистическом дискурсе моделируется исключительно положительно. Эта страна, в союзе с Францией объявившая войну фашистской Германии, считает себя правой: она борется за сохранение и утверждение христианских моральных ценностей, которые находят отражение в ее общественно-политическом устройстве – демократическом режиме.

3.5.1.3 Образ Соединенных Штатов

При анализе материала, касающегося действий США в первый год Второй Мировой войны, мы приняли во внимание тот факт, что Америка вступила в войну в декабре 1941 г. Поэтому, как и с СССР, мы сочли нужным уточнить этот момент в метафорических моделях.

Мы выявили 2 метафоры, объясняющие позицию США в первые месяцы войны (см.табл.3.8). Рассмотрим их подробнее.

Таблица 3.8 – Ключевые метафоры в моделировании образа США в 1939 г.

Метафора	Metaphor
(Будущий) Союзник – это Наблюдатель	(Future) Ally is Observer
(Будущий) Союзник – это Бизнесмен	(Future) Ally is Businessman

Доминирующей в нашем корпусе стала метафора *(Будущий) Союзник – это Наблюдатель*. Американцы не были заинтересованы в участии в войне в Европе, о чем говорит следующая фраза: *there is no need to send American boys overseas*. Она категорична, в доказательство чему служит употребление Present Indefinite в утвердительной форме и отражательной частицы *no*. Тем не менее, США интересовало положение дел в Европе: *[beside Britain] American interest also extends for other countries, and ... American organisations rebroadcast the sound of the Paris air raid alarms, and they are arranging to convey the sound of the actual fighting in Poland and elsewhere*.

В прессе звучали призывы помочь демократиям Европы в борьбе с фашизмом: *our only true and effective safeguard against dictatorship is now to declare ourselves on the side of freedom*. Тем не менее, они не упоминали военную помощь; с точки зрения США, отраженной британскими журналистами, помощь Америки будет экономической и ее получают только демократические страны: *America will supply all we can of the sinews of war, but will withhold them from totalitarian nations who would destroy the freedom of the nations*.

Таким образом, полученные данные позволяют нам говорить о том, что образ США в 1939 г. был нейтральным (под нейтральным образом мы понимаем относительно равное количество положительных и отрицательно элементов): в собранных материалах не было оценочной лексики, указывающей на обратное. США – это Наблюдатель и Бизнесмен, который не заинтересован в участии в войне и не заинтересован в победе Германии над демократическими странами Европы. Тем не менее, Америка готова предоставить лишь экономическую помощь демократическим странам.

3.5.2 Образ союзника в 1943 г.

3.5.2.1 Образ СССР

Крайне негативное восприятие образа СССР меняется с его вступлением во Вторую мировую войну после нападения фашистской Германии на СССР. К 1943 году образ Советов становится преимущественно положительным (см.табл.3.9).

Таблица 3.9 – Ключевые метафоры в моделировании образа СССР в 1943 г.

Метафора	Metaphor
Союзник – это Актер	Ally is Saviour
Союзник – это Спаситель	Ally is Actor
Союзник – это Друг	Ally is Comrade

Так, анализ данных 1943 года позволяет выделить 3 доминирующих метафоры в понимании образа союзника. Первая из них – *Союзник – это Актер*. Видение мира как театра свойственно человеку с давних пор; еще У. Шекспир писал, что «весь мир – театр, и каждый в нем актер». Об СССР

сказано, что наше государство планирует для себя главную роль после окончания войны (*U.S.S.R. intends to take a leading role*).

Следующая выделенная нами метафора – *Союзник – это Спаситель*. Учитывая то, что в нескольких статьях приводилась цитата британского епископа или же ее перифраз (“*it is the Russian people who have saved the world*” и варианты этого высказывания), то можно утверждать о некоторой степени религиозности в трактовке действий СССР: его заслуги сравниваются с деяниями Иисуса. Успехи СССР называются чудом (*the Miracle of Russia*). Также религиозность восприятия подчеркивается во фразе *the Russians have brought glory and dignity to the human race ... [compared to] German people who thought themselves super-men, but have become sub-human – half-devil, half-beast – in their bestial atrocities on the Russians*. Прямой контраст СССР и Германии прослеживается в религиозном противопоставлении: Германия – это полудьявол и полужверь, Советы – борец со злом, который сдерживает его.

Выделение следующей метафоры (*Союзник – это Товарищ*) требует некоторого объяснения. Обычно, говоря о союзе, подразумевается, что его участники и есть друзья. Однако, принимая во внимание идеологические, политические и экономические различия союзников по антигитлеровской коалиции, можно правомерно утверждать, что коммунистический СССР и Британия навряд ли были друзьями. Поэтому появление упоминаний о дружбе между ними является, как нам представляется, значительным сдвигом в восприятии образа государства. Журналисты указывают на произошедшие перемены в отношении к СССР: *bolshevism is not to-day the bogey it was in pre-war politics*. Тем не менее, события 1939 г. не были забыты и, несмотря на положительную оценку Советского Союза, в материалах собранного корпуса встречаются напоминания о них (*nor can we forget that when we alone stood against the might of Germany and Italy, Russia had a non-aggression pact with Germany*). Вероятно, этим можно объяснить, что дружба между СССР и США представлялась британцам более вероятной. Так, журналисты приводят

цитаты из речи М.И. Калинина (*companionship will continue to gain strength*) и сами высказывают мнение, что сохранение дружеских отношений США и СССР – это залог мира (*Soviet and U.S. will stay friends; need for U.S.-Soviet friendship*). В 1943 году Британия, судя по результатам нашего исследования, признавала большую роль Советской России и Соединенных Штатов в сохранении послевоенного мира. Однако в описании отношений СССР и Британии употребляется слово *companionship*, СССР и США – *friendship*.

Следовательно, образ СССР в 1943 г. моделируется как преимущественно положительный образ государства, заслуги которого во Второй Мировой войне велики и который будет влиятельным игроком после ее окончания. В то же время в Британии не забыли начало войны и действия Советского Союза в 1939 г.

3.5.2.2 Образ Британии

Анализируя корпус, мы пришли к выводу, что образ Британии 1943 г. моделируется 3 метафорами (см.табл.3.10). Как и в моделировании образа Советского Союза, в характеристике Британии выделяются метафора театра и метафора дружбы. Выделить последнюю мы сочли необходимым, руководствуясь положениями, приведенными в параграфе 2.2.1.

Таблица 3.10 – Ключевые метафоры в моделировании образа Британии в 1943 г.

Метафора	Metaphor
Союзник – это Актер	Ally is Actor
Союзник – это Друг	Ally is Friend
Союзник – это Моряк	Ally is Sailor

Будущее мира журналисты видели в тесном сотрудничестве Британии и США (*all will be well if Britain and U.S. act in harmony*), т.е. будущее мира зависит от способности этих стран гармонично и слаженно исполнить роли в «театральной постановке». Это позволяет сделать вывод о том, что в Британии представляли нормальный ход событий только в том случае, если именно конкретный союзник принимает в этом значительное участие.

Могущество союзников и их победа, как указывалось журналистами, объясняется единством стран. Так, ярким примером метафоры дружбы

является фраза *trinity of America, Russia, and a Britain strengthened by closer union with the smaller democracies in Western Europe which are of our way of thinking, as the wall of power behind which the freedoms and democracies of the world could be built up again*, которая указывает на то, что 1) Британия, Америка и СССР, несмотря на многочисленные различия, объединились перед лицом угрозы; 2) этот союз был поддержан другими европейскими странами (*smaller democracies*), близкими в идейном плане (*... of our way of thinking*); 3) это объединение является представляет собой «крепкую стену, за защитой которой свобода и демократия могут быть восстановлены». Интересно то, что здесь Советский Союз приравнивается к свободному демократическому государству. Вероятно, такой образ СССР был необходим как для создания впечатления могущественного союза, который не может быть разрушен идеологическими и политическими противоречиями, так и для демонстрации того, что Советы поддерживали политику Британии.

Метафора *Союзник – это Моряк* является, на наш взгляд, традиционным представлением Британии, владычицы морей, как часто ее называют. Во время Второй Мировой войны Британская империя еще не распалась. Доминион и колонии соединяли водные пути, военную и экономическую помощь получали также по водным путям. Военные победы, как указывается в британской прессе, являются во многом заслугой моряков (*brought in by the blood and sweat of the British soldiers*).

Итак, образ Британии 1943 г. в британском военно-публицистическом дискурсе моделируется положительно: Британия – это могущественная морская держава, и, если ей будет позволено, совместно с США, решать послевоенные вопросы, никаких затруднений не возникнет. Союз Британии с СССР и США является движущей силой к победному окончанию войны.

3.5.2.3 Образ США

Результаты метафорического моделирования образа Соединенных Штатов Америки показывают, что позиции США не всегда воспринимались однозначно и положительно (см.табл.12). Так, доминирующей метафорой для

этого хронологического среза можно считать метафору гордости. Британская пресса обвиняет Америку в том, что последняя страдает комплексом неполноценности (*the inferiority complex*), который проявляется в высокомерном отношении к союзникам. Так, место Британии в американской модели мира было бы унижительным, на что указывает метафора во фразе *Britain would be asked into the room and while there allowed to pick up some crumbs from the rich man's table*. В этой фразе также видно отношении Британии к деловым и богатым Соединенным Штатам, для которых программа ленд-лиза и помощи союзникам стала выгодным предприятием.

Америке также припоминают ее позицию до вступления в войну в декабре 1941 г.: *it took the defeat of France to wake America up*. До этого времени, как можно заключить из материалов исследования, США наслаждались миром и покоем, который был прерван поражением Франции. Тем не менее, вступив в войну, Штаты не утратили деловую хватку и, как истинные опытные дельцы, предложили программу ленд-лиза, *“never an act of charity”* и *“a sort of insurance policy against foreseeable risks”*. Приведенные цитаты подтверждают расчетливость США в принятии решения помочь союзникам.

Таблица 3.11 – Ключевые метафоры в моделировании образа США в 1943 г.

Метафора	Metaphor
Союзник – это Гордец	Ally is Proud Man
Союзник – это Бизнесмен	Ally is Businessman
Союзник – это Демократ	Aly is Democrat

Единственная метафора, положительное значение которой не вызывает сомнений, – *Союзник – это Демократ*. Журналисты указывают на то, что именно демократический политический режим является основой взаимоотношений Британии и США: *the essence of this fundamental unity between America and ourselves was fundamentally a moral and spiritual one, for the basis of our democratic way of life was the same*. Повторение прилагательного *fundamental* и его деривата *fundamentally* в одной фразе указывают на то, что в основу союза этих двух стран в первую очередь была положена демократия, а не язык или культура.

Говоря об образе США в 1943 г., следует еще раз отметить его противоречивость: из трех выданных метафор только одна дает положительную оценку. В основном же в Британии воспринимали Соединенные Штаты как расчетливого и высокомерного союзника, близкого ей лишь в плане политического режима.

3.5.3 Образ союзника в 1945 г.

3.5.3.1 Образ СССР

Анализ материалов хронологического среза показывает, что в последние месяцы войны описание Британии и ее союзников достигает апогея. В результате обработки материалов этого хронологического среза мы выделили 3 метафоры (см.табл.3.12). Выделение доминирующей метафоры для моделирования образа Советского Союза представляется нам невозможным, поскольку в собранном корпусе текстов указанные метафоры распределены равномерно.

Таблица 3.12 – Ключевые метафоры в моделировании образа СССР 1945 г.

Метафора	Metaphor
Союзник – это Друг	Ally is Friend
Союзник – это Полицейский	Ally is Policeman
Союзник – это Герой	Ally is Hero

К 1945 г. метафора дружбы союзников, особенно Советской России и Британии, достигает кульминации. Если в 1943 г. британская пресса допускала возможность *companionship* между этими государствами, теперь же они говорят о братстве европейских народов и необходимости его сохранения (*unless the habit of working together is acquired, the fraternity of European peoples is in grave danger of being jeopardised*). В прессе звучат призывания пересмотреть отношение к СССР (*[...] wants end to century of enmity; Relations With Russia Must Be Friendly*). Предшествующие 100 лет напряженных отношений в 1945 г. признаются антагонизмом России, и изменение отношения является единственным выходом его прекращения (*It is absolutely cardinal that relations with Russia should be most friendly if a century of antagonism between ourselves and Russia is to be avoided*). Необходимость этих действий подчеркивается

употреблением модального глагола *should* и эпитетов *absolutely cardinal* и *most friendly* (превосходной степени прилагательного или же усиления эпитета *friendly* словом *most* в значении *very*).

Также Советский Союз показан в образе Полицейского (*[Russia] gives high promise that the urgent task of outlawing war will this time be realistically carried out*). По мнению британских журналистов, СССР берет на себя ответственность (*gives high promise*) искоренить войну (*outlawing war will this time be realistically carried out*). Необходимость таких действий подчеркивается эпитетом *urgent*. Война приравнивается к преступлению (*international gangsterism*), и, как указывается в британском военно-публицистическом дискурсе, Советы намерены выполнить свой долг и победить зло окончательно (*determination to spare nothing towards achieving the complete and final suppression of international gangsterism*).

В описание советских солдат применено большое количество оценочной лексики: *stubborn, heroic, miracle of heroism and self-sacrifice*. В нескольких статьях встречается такая фраза: *if only we [the British] could prove our gratitude – to the men who fought*.

Итак, в 1945 г. Советский Союз признавался «чудом героизма», к которому британцы испытывают благодарность. Впервые за многие годы в прессе Британии употребляется слово *друг* в описании Советской России. За СССР признается право быть «полицейским Европы».

3.5.3.2 Образ Британии

При анализе возможности моделирования образа Великобритании 1945 г. мы выделили 3 метафоры (см.табл.3.13).

Таблица 3.13 – Ключевые метафоры в моделировании образа Британии в 1945 г.

Метафора	Metaphor
Союзник – это Герой	Ally is Hero
Союзник – это Банкир	Ally is Banker
Союзник – это Должник	Ally is in Debt

Образ Британии, как и СССР, окружен героическим ореолом. Интересно, что впервые в материалах корпуса нам встретилось упоминание памяти

(имплицитное): *Let Us Continue the Work of Our Dead Heroes* (заголовок статьи); *Our heroes gave their lives for decency, honour and our Christian way of life ... Let us continue their Work in memory of them.* Капитализация слова *Work* показывает отношение журналиста к подвигу павших. Использование повелительной конструкции с *let* придает словам торжественности.

Две другие метафоры в большей степени отражают национальную специфику культурных реалий британцев. Так, для них *Союзник – это Банкир* и *Союзник – это Должник*. Эти метафоры напрямую взаимосвязаны: Британия была обеспокоена размером своего долга США за ресурсы (*Britain has on her shoulders a great external debt; we must keep a sharp eye on the total volume of credits*). Тем не менее, эти метафоры не дают оснований оценивать Британию положительно или отрицательно. Наличие внешнего долга является фактом.

Таким образом, мы можем судить об оценке образа Британии только по метафоре *Союзник – это Герой*, и она является положительной.

3.5.3.3 Образ США

В ходе исследования мы выделили 2 метафоры, моделирующие образ США (см.табл.3.14). США, как и прежде в понимании Британии, – Бизнесмен. Решение США отказаться от программы ленд-лиза (*...America has decided to stop Lend-Lease aid... The decision has been foreseen...*) не стало сюрпризом в Британии, которой дорого обошлась помощь этого союзника (как было показано в 2.3.2). Журналисты иронично отмечают, что с завершением войны США нужно «сдать в металлолом» построенные суда (*most of the shipping built by America during the war should be scrapped with the coming of peace*).

Таблица 3.14 – Ключевые метафоры в моделировании образа США в 1945 г.

Метафора	Metaphor
Союзник – это Торговец	Ally is Businessman
Союзник – это Няня	Ally is Babysitter

Метафора *Союзник – это Няня* также не позволяет говорить о положительном восприятии образа Соединенных Штатов в Британии. Америка, по мнению британских журналистов, заявляет о том, что именно ей

приходится делать все для окончания «не своей» войны (*we seem to have an aptitude for setting everyone else's troubles*). В этом ключе образ США как Няни союзников скорее отрицателен (*...repeatedly left holding the baby*). Учитывая факт того, что Британия (совместно с Францией) первой объявила войну Германии и до 1941 г. практически в одиночестве выдерживала атаки фашистов, сравнение Европы с ребенком, которого нельзя оставить без присмотра, навряд ли воспринималось положительно.

Следовательно, восприятие образа США в 1945 г. ухудшается. Учитывая отсутствие негативной оценочной лексики, мы считаем возможным говорить о нейтральной оценке действий Соединенных Штатов в британском военно-публицистическом дискурсе.

3.5 Сопоставительный анализ моделирования образа союзника в британском военно-публицистическом дискурсе

Результаты сопоставительного анализа выделенных метафорических моделей, репрезентирующих образы СССР, Британии и США, показывают, что совпадений практически нет. Это доказывает, что в коалицию входили страны, интересы которых значительно отличались и зачастую были противоположными.

В 1939 г. нагляднее всего проявляется оппозиция «Свой – Чужой» при сопоставлении образов СССР и Британии: Советский Союз представляется лжецом и сообщником вражеской Германии. Кроме того, Россия противопоставляется Британии идеологически: Советы – коммунистическое государство, «зараженное» фашизмом (*impregnated with the German infection*) и преследующее антидемократические цели (*[Russia's non-aggressive pact with Germany is a] stab in the back for Britain*). Это позволяет нам говорить о моделировании вначале нейтрального, а после ввода войск в Польшу – негативного образа СССР.

Образ США также чужд Британии и СССР. С одной стороны, это демократическое государство, которое предпочитает быть наблюдателем «европейской войны». С другой стороны, это богатая держава, объявляющая

об экономической помощи демократическим (и только демократическим) странам. Таким образом, образ США 1939 г. нейтрален. Восприятие образа этого государства практически не изменяется в 1943 и 1945 гг. В Британии в нем по-прежнему видят расчетливого Бизнесмена.

В 1943 и 1945 гг. в британском военно-публицистическом дискурсе наблюдается устойчивая динамика в положительном восприятии образа Советского Союза. Это объясняется, на наш взгляд, вступлением СССР во Вторую Мировую войну в составе антигитлеровской коалиции. Итак, прослеживается следующая градация образа (см.рис.3.4).

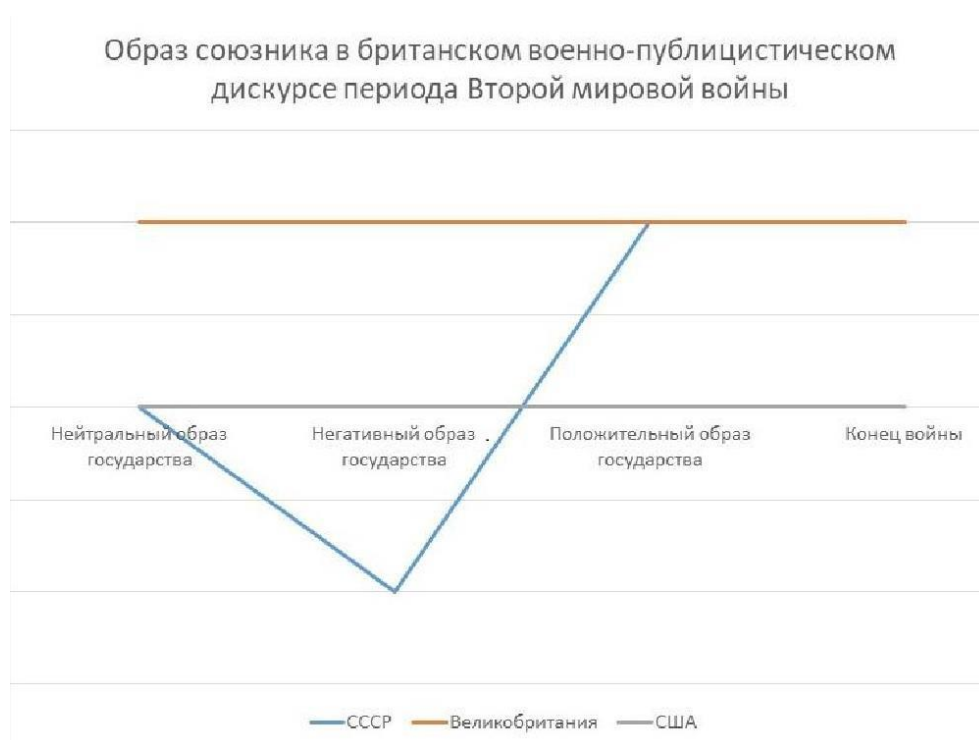

Рисунок 3.4 – Результаты метафорического моделирования образа союзника (на основе данных BNA)

Неизменно положительным в течение всего рассмотренного хронологического периода является образ Британии. Благородные мотивы борьбы за правду и демократию, свойственные дискурсу 1939 г., эволюционируют в метафоры театра, с помощью которых утверждается значимость этой страны на мировой арене после окончания Второй Мировой войны. К концу войны героизм британских солдат не подвергается сомнению. Итак, образ Британии 1939 г., 1943 г. и 1945 г. остается положительным; образ

СССР претерпевает изменения (нейтральный – негативный – положительный) образ США всегда нейтрален.

3.6 Американский военно-публицистический дискурс

Изучение материалов американского военно публицистического дискурса 1939 г. имеет следующую особенность: в этот период времени Соединенные Штаты Америки, Великобритания и Советский Союз не являлись союзниками. Поэтому при выделении метафор мы сочли необходимым уточнить этот факт, указывая на будущность союза.

3.7.1 Образ союзника в 1939 г.

3.7.1.1 Образ СССР

В рассматриваемый период Второй мировой войны можно выделить 3 доминирующие метафоры (см.табл.3.15).

Таблица 3.15 – Доминирующие метафоры в моделировании образа СССР (1939 г.)

2.1 Метафора	Metaphor
(Будущий) Союзник – это Освободитель	(Future) Ally is Liberator
(Будущий) Союзник – это Раскрытая Тайна	(Future) Ally is Uncovered Mystery
(Будущий) Союзник – Плохой PR менеджер	(Future) Ally is Bad PR Manager

В 1939 г. США считались нейтральным государством, что нашло отражение в оценке действий СССР. Не имея союзных обязательств перед Польшей, Штаты были склонны принять причины ввода советских войск, приведенные Советским Союзом: защита белорусов и украинцев, живущих в Польше. Так, при анализе публикаций за сентябрь можно выделить метафору *(Будущий) Союзник – это Освободитель*. Американские журналисты отмечали, что польское правительство третировало белорусские и украинские меньшинства на своей территории *(the Polish government found, as it was inevitable, that her long and brutal record of repressing, disfranchising and oppressing the eleven million national minority peoples in the West Ukraine and West Byelorussia, converts those people into one of the very weakest links of Polish state existence at the most critical hour)*. То, что подобное отношение

обязательно будет иметь последствия, подтверждается вводной фразой *as it inevitable*. Поэтому, как указывается в американской прессе, вмешательство Советского Союза логично: *it was only natural that when **their class and blood brothers, the Soviet people, came to free and liberate them from the dreary fate to which their Polish rulers had deserted them.*** В американском военно-публицистическом дискурсе признается факт того, что русские, украинцы и белорусы – братья-славяне (*blood brothers*), и СССР выступил защитником и освободителем этих народов (*came to free and liberate*). Интересно употребление глаголов *free* и *liberate*: они являются синонимами [41], и поэтому можно утверждать, что их употребление в одной фразе усиливает и подчеркивает значение этих слов.

Важным представляется прямое сравнение положения украинцев и белорусов в Польше и положения чернокожих рабов на Юге США в XIX в.: *they should welcome them [the Soviet army] with a joy and warmth similar to that with which the Negro people in the Southern states met the Northern liberating army [during] the American Civil War.* Также несколько раз мы встретили аллюзию на роман Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», в котором осуждается рабовладение. Так, в статьях указывается, что белорусы и украинцы должны были правильно обращаться к полякам (*“Sir”, “Mister”* – в этих примерах ярко видна адаптация перевода), низко кланяться (что подчеркивается глаголом *to kowtow*, имеющим негативную оценочную коннотацию, согласно Cambridge Dictionary) и ведя себя подобострастно (наш вариант перевода формы *Uncle Tom-ing*). Согласно Cambridge Dictionary, словосочетание *Uncle Tom* употребляется только как существительное и имеет достаточно негативную коннотацию (оскорбление); его употребление в качестве глагола для усиления образа раба – яркий пример конверсии. Таким образом, в сентябре 1939 г. в США доминирует представление о том, что Советский Союз ввел свои войска в Польшу для спасения угнетаемых рабов – украинцев и белорусов. Отметим, что данная метафорическая модель характеризует восприятие действий СССР именно в сентябре 1939 г. и не распространяется на дальнейшие события.

Метафорическая модель *(Будущий) Союзник – это Агрессор ((Future) Ally is Aggressor)* представлена гораздо реже по сравнению с *(Будущий) Союзник – это Освободитель*. Она не встречается в публикациях о вводе советских войск в Польшу и появляется в декабре 1939 г. в статьях о русско-финской войне. Интересна подача материала: во фразе *many nations have condemned the Soviet's action as wholly unwarranted aggression*, например, констатируется позиция других стран по отношению к оценке действий Советского Союза; в ней оценки самих США. Америка выступает как зритель европейского спектакля, о чем свидетельствует фраза *Russia's failure to complete the Finnish show quickly*. По этой причине мы не сочли целесообразным выделить эту метафору как маркер оценки действий Советов Соединенными Штатами.

Тем не менее, военный конфликт СССР и Финляндии приводит к снижению оценки действий Советского Союза в США: если в первые месяцы Второй мировой войны она была положительной, то в декабре – скорее негативной и пренебрежительной, о чем свидетельствуют метафоры *(Будущий) Союзник – это Раскрытая Тайна* и *(Будущий) Союзник – Плохой PR менеджер*. Эти метафоры взаимосвязаны и дополняют друг друга.

Так, «тайной» СССР в американских публикациях называли советскую армию: *for years Russia's military machine has been a world mystery*. Журналисты указывают, что подобная мистификация создавалась СССР целенаправленно, что подчеркивается употреблением наречия образа действия *carefully*: *Moscow has carefully built up the tradition that its fighting force and equipment are the most powerful ever created*. Тем не менее, война с Финляндией, по мнению американцев, раскрыла эту тайну: *the Russian operations in Finland certainly don't prove that the Red army is a powerful machine*. То, что в словосочетании *Red army* последнее слово не капитализировано, можно рассматривать как иронию и намек на слабость советских вооруженных сил, что ставит под сомнение могущество СССР. В других примерах собранного нами корпуса написание *Red Army* – единственный вариант.

Пренебрежительная оценка действий СССР в Финляндии видна и в сравнении финской армии с индейцами: *the little Finnish Army stands off the might of Russia, by a warfare in which the defenders fight on skis and battle Indian fashion from behind trees*. В этом контексте советские войска, по мнению американских журналистов, уступают «туземной» армии. Такое развитие ситуации, по мнению США, – плохая реклама Красной армии (*definitely isn't good advertising for Russia*). Русско-финскую войну американская пресса назвала «большим конфузом России», который лучше было бы закончить быстрее (*Moscow would be relieved of great embarrassment if the Russo-Finnish war could be ended quickly by negotiation*).

Таким образом, анализ метафорического моделирования образа СССР в американском военно-публицистическом дискурсе 1939 г. показал, что в США наблюдалась тенденция к негативному восприятию образа Советского Союза: от положительного в сентябре до пренебрежительного в декабре.

3.7.1.2 Образ Британии

Проведенный анализ метафорического моделирования образа Великобритании в американском военно-публицистическом дискурсе позволяет выделить 3 доминирующие метафоры, описывающие восприятие образа Британии в США (см.табл.3.16).

Таблица 3.16 – Доминирующие метафоры в моделировании образа Британии (1939 г.)

2.1 Метафора	Metaphor
(Будущий) Союзник – это Наблюдатель	(Future) Ally is Observer
(Будущий) Союзник – это Христианин	(Future) Ally is Christian
(Будущий) Союзник – это Демократ	(Future) Ally is Democrat

В первые месяцы войны, по мнению американских журналистов, Британии свойственна религиозность в восприятии окружающего мира. Так, описывая отношение Британцев к начавшейся войне, американцы используют фразу *a hateless war*. Изначально в Британии не видели проблемы в том, что началась война: по мнению верующих, война с Германией скорее ведется в сердцах

людей, а не на фронтах (*It may well be that this war will not be won on any battlefield, but in the hearts of men*”). Тем не менее, с ухудшением ситуации модель (Будущий) Союзник – это Христианин претерпевает изменения и адаптируется к изменяющимся условиям. Так, декан Вестминстерского аббатства У. Томсон Элиот сравнил А. Гитлера и дьявола: “...*Hitler’s regime...that old serpent, the devil*”. Слово *serpent* (змей, змей-искуситель) в данном контексте – прямая отсылка к библейскому сюжету о падении Адама и Евы из Рая. Следовательно, можно утверждать, что, по мнению декана Вестминстерского аббатства, А. Гитлер может стать причиной упадка и утраты благополучия и стабильности Британией и ее союзников, находящимися «в раю».

Еще одна доминирующая метафора – Союзник – это Наблюдатель. Эта метафора характеризует отношение Британии к ситуации в Азии: Япония и Советский Союз проводили переговоры, исход которых мог повлиять на расстановку сил в войне. С помощью эпитетов (*new, unnatural*) журналисты подчеркивают неожиданность такого развития событий (*British interests in the Far East are watching the new and unnatural friendliness between Japan and Russia with the closest attention and misgiving*). Как истина, не подлежащая сомнению, подается предположение о целях Японии, что подтверждается использованием *Present Indefinite* (*the fact is that much of the ballyhoo emanating from Japan about Soviet-Japanese relations is pure propaganda designed to intimidate America and Britain into a more co-operative attitude*).

Последняя метафора, моделирующая образ Британии в американском военно-публицистическом дискурсе 1939 г. – (Будущий) Союзник – это Демократ. Отсутствие демократических режимов в Германии, Италии, СССР и Японии является, по мнению США, причиной начала новой войны, с одной стороны, и демократические режимы в других странах – с другой. Так, в нескольких статьях указывается, что *the basic reason underlying the present war in Europe is the substitution of dictatorial and autocratic control of government for democracy and democratic procedure in the administration of governmental*

affairs. Демократическая Британия хочет мира, о чем свидетельствует фраза *Britain wants a peace ending the fear of aggression in Europe*. На наш взгляд, прослеживается подтекстная взаимосвязь тоталитаризма и страха: the fear of aggression вызывается войной с тоталитарным государством, где властью обладает диктатор.

Проанализировав доминирующие метафорические модели, мы можем говорить, что восприятие образа Британии было в целом положительным: две из трех метафор имеют положительную коннотацию и одна ((Будущий) Союзник – это Наблюдатель) – нейтральную.

3.7.1.3 Образ США

Для анализа метафорического моделирования образа Соединенных Штатов в американском военно-публицистическом дискурсе мы остановили свой выбор на трех доминирующих метафорах (см.табл.3.17). Каждая из указанных в таблице метафор связана с остальными и является их логическим продолжением

Таблица 3.17 – Доминирующие метафоры в моделировании образа США (1939 г.)

2.1 Метафора	Metaphor
(Будущий) Союзник – это Наблюдатель	(Future) Ally is Observer
(Будущий) Союзник – это Страж Мира	(Future) Ally is Peacekeeper
(Будущий) Союзник – это Независимый Судья	(Future) Ally is Impartial Judge

Все три метафоры основаны на провозглашении Америкой нейтралитета в войне согласно Акту о нейтралитете, принятому в 1935 г. (*the President has invoked the Neutrality Act against all the nations at the war in Europe*). Как мы уже указывали в параграфе 3.1, США предпочитали наблюдать со стороны (так, русско-финскую войну называли *the Finnish show*). Также в США с некоторой долей пренебрежения отнеслись к новой войне: ее называли Европейской войной (*the European war*), войной в Европе (в газете *The Evening Star* с осени 1939 г. существовала рубрика *The War in Europe – Day by Day*).

Именно в соблюдении нейтралитета в США видели способ сохранения мира: для этого, как указывается в статьях, Америка должна сохранить свои ресурсы. Для подтверждения этого тезиса журналисты использовали обобщение – *the average American wants to see America's economic and moral forces kept in a position so that she may not be a contributor to war or the warmaker, but so that she may be able to use her moral and economic forces for peace in the world when the time comes*. Использование Present Indefinite в *few Americans want to see America involved in war* придает этой фразе категоричность. Нейтралитет США – благородное дело, поскольку таким образом они смогут содействовать ограничению войны и продвижению мира (*America's task today is to produce the type of unity which will cause her to remain uninvolved and at the same time contribute to the promotion of peace and to the limitation of the war area*), на что указывает использование модального глагола *will*. Таким образом, создается впечатление, что США стремились убедить своих граждан в правильности политики государства.

С проводимой Соединенными Штатами политикой нейтралитета связана и последняя доминирующая метафора – *(Будущий) Союзник – это Независимый Судья*. Для лучшего объяснения США в образе судьи в нескольких статьях использована метафора спортивной игры: в течение боя два игрока сражаются за обладание титулом или кубком, в то время как рефери всегда остается независимым и внимательно наблюдает за ходом игры, чтобы пресечь любые нарушения.

Тем не менее, в собранном нами корпусе также встречается критика политики нейтралитета Соединенных Штатов. Так, в *The Evening Star* приводятся данные опроса, в котором 82% опрошенных ответили, что считают Германию ответственной за развязывание войны. В этой же статье указывается, что *today no one expects any one to be neutral in mind and thought*. В самом деле, можно ли говорить о наличии непредвзятости в суждениях, если большая часть граждан уже вынесли вердикт о виновности? Один из критиков политики США использует яркую метафору боя в пустыне для того, чтобы

доказать тезис *neutrality can be proclaimed and lived up to, but try as we will impartiality, even though proclaimed, can never be lived up to*: два борца сражаются на смерть за воду, и за сражением наблюдает нейтрал, у которого много воды. Критик указывает, что с точки зрения закона нейтрал ничего не нарушает (*this fight does not concern you because you are a neutral and you stand on your neutral rights and do nothing. From the standpoint of the law of neutrality you have done nothing wrong*). Тем не менее, наблюдателю не удастся сохранить непредвзятость, поскольку он в силах прекратить бой (у него есть желаемая всеми вода) и заранее знает исход поединка – победит сильнейший (*you have not been impartial... You know that the withholding of the water from the one has meant his certain death and victory for the other*). Следовательно, критик подверг критике этичность и правильность закона о нейтралитете – совершая аморальный поступок, наблюдатель остается прав. Принимая во внимание то, что наблюдатель в данном случае – Америка, журналист очень тонко указывает на неправильность, с его точки зрения, проводимой США политики нейтралитета в войне.

Таким образом, результаты анализа метафорического моделирования образа Соединенных Штатов Америки не позволяют нам сделать однозначный вывод о характере оценки образа США в американском военно-публицистическом дискурсе. С одной стороны, в большей части материалов корпуса нейтралитет Америки подается как желаемая всеми гражданами позиция государства, которая в конечном итоге поможет сохранить и укрепить мир; с другой – в статьях встречается критика выбранного Соединенными Штатами политического курса, которая ставит под сомнение моральную правильность действий американского правительства.

3.7.2 Образ союзника в 1943 г.

3.7.2.1 Образ СССР

Анализ корпуса показал, что образ Советского Союза 1943 г. в американском военно-публицистическом дискурсе можно охарактеризовать 4 доминирующими метафорами (см.табл.3.18).

Таблица 3.18 – Доминирующие метафоры в моделировании образа СССР (1943 г.)

Метафора	Metaphor
Союзник – это Христианин	Ally is Christian
Союзник – это Борец	Ally is Fighter
Союзник – это Гарантия Мира	Ally is Guarantee of Peace
Союзник – это Угроза	Ally is Threat

В 1943 г. в американской прессе появляются статьи, посвященные восстановлению официального статуса христианства в стране, где после революции оно утратило статус государственной религии: *ecclesiastical development in Moscow – once the antireligious center of the world*. В приведенном примере видно, что Советский Союз считался страной не просто светской, но страной, которая выступала против исповедования любой религии. Об этом свидетельствует префикс *anti-* в *antireligious*. С помощью контекстной антитезы показывается смена взглядов СССР: *the Orthodox Church appealing to Christians of all nations to unite in defense of their faith against Fascism* и *the Comintern used to call on proletarians of all countries to unite against capitalist exploitation*. Если до войны призывы к пролетариям всего мира звучали от Коминтерна, то в 1943 г. ко всем христианам планеты обратилась советская православная церковь. Использование конструкции *used to (call)* в прессе США можно, по нашему мнению, трактовать как выражение надежды США на то, что времена Коминтерна закончены.

В доказательство этого тезиса можно также привести фразу *the appeal was a sharp reminder of the distance traveled in Moscow since the heyday of the militant Godless League*, в которой *the militant Godless Leagues* является ярким примером дисфемизации названия государства: СССР – военизированная безбожная лига. Тем не менее, использование этого дисфемизма в контексте

прошлого СССР и его противопоставление текущей ситуации пока заывает изменение отношения к Советам в Соединенных Штатах.

Американцы признают, что такая резкая смена политики в религии (от антирелигиозной политики СССР до восстановления официального статуса православия) обусловлена внешнеполитическими обстоятельствами. Советский Союз обращается за помощью к православию для поддержания морали войск и, как мы предполагаем, для того, чтобы подчеркнуть, что СССР преследует в конечном итоге те же цели, что и его союзники – Великобритания и США. Так, в Нью Йорке выходит книга на английском языке под названием *Stalin and God*, в которой указывается, что миссия И.В. Сталина заключается в спасении «не только России, но и Европы, демократии, религии и западной цивилизации» (*“he [Stalin] was the man called by God to save not only Russia, but Europe, democracy, religion and western civilization”*). Более того, советский вождь представлен в образе поверенного Бога, который поручает ему задачу – спасти Россию и Европу от фашизма.

С одной стороны, нам представляется возможным трактовать эту метафору как способ идейного сближения с союзниками (Великобритания и США – это страны, где христианство играло значительную роль в общественно-политической жизни). С другой стороны, эта метафора в проанализированном нами контексте может выступать средством создания недоверия к политике СССР в глазах американцев. Поясним наше предположение. С первого взгляда может показаться, что в США пресса останавливает внимание на определенно положительной динамике развития СССР. Но не следует забывать, что в подаче материала использовались антитезы, создающие контрастное описание, и антирелигиозная метафора для описания довоенной ситуации в Советском Союзе. Таким образом, положительный образ Советов не закреплялся в сознании американцев, поскольку проходило постоянное сравнение с довоенным периодом истории СССР.

Вторая доминирующая метафора в моделировании образа Советского Союза – *Союзник – это Борец*. Американская пресса признавала, что СССР вносит значительный вклад в ход войны. Так, в нескольких статьях, посвященных Советам, нам встретилась фраза *a definite feeling that **the war has turned the corner***, которая, как нам представляется, характеризует поворот в военных действиях. Также американцы признают, что Советская Россия понесла большие потери и прикладывает героические усилия в борьбе с фашизмом, о чем свидетельствует фраза *the long suffering and sacrifices of the [Soviet] people may be nearing an end*. Знаменательно использование конструкции *may + continuous infinitive*, которая одновременно выражает вероятность (модальный глагол *may* подчеркивает, что война еще не окончена) и уверенность в победном исходе (использование длительного инфинитива (*continuous infinitive*) *be nearing*) указывает на активный процесс, в данном случае – окончание войны).

Следующая выделенная нами доминантная метафора направлена на моделирование послевоенного будущего (*Союзник – это Гарантия Мира*). Именно участие СССР в послевоенных делах американские журналисты считали необходимым для сохранения мира и баланса сил: *as long as Russia and the United States agree not to go to war with each other, nobody else can go to war against either of them, for no nation can go to war against either of them without the other*. Следовательно, можно утверждать, что к 1943 г. сложились две могущественные державы (СССР и США), от внешней политики которых зависит будущее мира.

Тем не менее, нам встретились противоречивые суждения о Советском Союзе. В основном его описывают как могущественную державу (*there is no peaceful world imaginable that does not recognize the strength and power of the Soviet Union*); но также встречается прогнозирование развития СССР в сравнении с США. Так, во фразе *it will take no time, as world time is measured, before **the USSR ... will tower far and high above the United States in material and economic magnitude, and in influence in world affairs*** мы видим, что

выражается мнение британского ученого Х. Уилкинса. Его уверенность в правильности своего мнения выражается в использовании модального глагола *will*. По нашему мнению, появление подобных точек зрения одновременно со статьями, признающими могущество СССР, знаменательно тем, что США начинает рассматривать Советы как угрозу своему влиянию.

Анализ метафорического моделирования образа Советского Союза в американском военно-публицистическом дискурсе позволяет нам сделать вывод о неоднородности восприятия СССР. Американская пресса прибегает к контрастированию прошлого и настоящего, тем самым освежая в памяти граждан коммунистическую политику СССР до 1943 г., которая навряд ли могла восприниматься положительно в США. Тем самым положительные моменты действий СССР в 1943 г. ставятся под сомнение. Более того, признавая значимость сохранения мирных отношений с Советами, пресса указывает и на то, что СССР в скором времени «возвысится над США»; тем самым создаются предпосылки для изменения общественного мнения американцев о Советской России. Следовательно, можно с уверенностью сделать вывод о том, что в 1943 г. наблюдается в целом отрицательная динамика в метафорическом моделировании образа СССР.

3.7.2.2 Образ Британии

Данные анализа собранного корпуса позволяют сделать вывод о том, что в метафорическом моделировании образа Британии преобладают 2 метафоры (см.табл.3.19). Эти метафоры описывают действия Британии положительно.

Таблица 3.19 – Доминирующие метафоры в моделировании образа Британии (1943 г.)

Метафора	Metaphor
Союзник – это Полицейский	Ally is Policeman
Союзник – это Демократ	Ally is Democrat

Метафора *Союзник – это Полицейский* наиболее ярко, по нашему мнению, представлена в речи премьер-министра Великобритании У. Черчилля. Говоря о возможном использовании химического оружия (отравляющего газа) по приказу А. Гитлера, глава британского правительства заявляет, что Британия

сочтет «это новое преступление» (*this new outrage*) достаточным поводом для применения военной силы против Германии (*if we are satisfied that this new outrage has been committed by Hitler we will use our great and growing air superiority in the west to carry gas warfare on the largest possible scale far and wide against military objective in Germany*). Из приведенного примера видно, что в Британии Германию считали преступником, уже совершившим криминальные деяния (о чем свидетельствует эпитет *new*); Великобритания выступает в качестве блюстителя закона, предупреждая нарушителя о последствиях его действий (к такому заключению мы приходим, проанализировав употребление модального глагола *will*).

Последняя доминирующая метафора, выделенная в настоящем исследовании, характеризует восприятие образа Британии в США как идейно близкого союзника. Британия, форма государственного устройства которой – парламентская монархия, в основе управления которой лежит Вестминстерская система, и Соединенные Штаты Америки, федеративно-президентская республика, были и остаются странами с демократической системой правления. Поэтому не вызывает удивления факт того, что действия во имя демократии эти страны предпринимали совместно. Так было и с высадкой союзных войск в Италии в июле 1943 г.

Британцы и американцы смогли достигнуть значительных военных успехов благодаря способности рисковать и продолжать бой длительное время, на что указывают эпитеты *hazardous (turns of fortune)* и *long (marches of destiny)*: *by many hazardous turns of fortune and by long marches of destiny, British and United States armies ... now stand at the portals of the Italian mainland*. Союзники, судя по описаниям в американской прессе, хорошо подготовлены к вторжению в Италию: *[they are] armed with the powers of the sea and the air, and very large land and amphibious forces equipped with every modern weapon and device*. Фактически, для военных действий готовы все виды войск, вооруженные самым современным оружием. На наш взгляд, в американской

прессе создавалось впечатление превосходства США и Великобритании в военном плане и, как мы покажем в дальнейшем, – в моральном.

Итак, союзные войска были готовы к решительным действиям для достижения цели– выхода Италии из войны – и уверены в своей победе. Итальянцы, как указывается в проанализированных нами материалах, имели перед собой возможность выбора (*the choice is in their hands*) – вернуться к демократии (*the masterful forces can bring, if the Italian people so decide, relief from war, freedom and servitude, and after an interval, a respectable place in a new and rescued Europe*) или продолжить войну на стороне фашистской Германии. При перечислении преимуществ, которые имеет переход к демократическому режиму и поддержка союзных войск в борьбе с фашизмом, употребляется лексика с положительной коннотацией (*relief, freedom, servitude*) и эпитеты (*respectful, new, rescued*). Они создают яркий положительный образ Италии, если она предпочтет демократию. Альтернативой является продолжение военных действий.

Уверенность союзников выражается во мнении, высказанном У. Черчиллем: “*a decision by the Italian government and people to continue under German yoke will not affect seriously the general course of the war; still less will it alter its ultimate results*”. Решение Италии «и дальше быть рабом Германии» не повлияет на ход войны и ее результаты, что выделено в речи премьер-министра с помощью инверсии. Единственным последствием, как считает У. Черчилль и цитировавшие его американские журналисты, станет оккупация Италии: “*the only consequence will be that in the next few months Italy will be seared and scarred and blackened from one end to the other*”. При описании альтернативного сценария развития событий в прессе использована лексика, имеющая негативную коннотацию (*seared, scarred, blackened*); использование полисиндетона выделяет каждое слово. При описании альтернатив используется контекстная антитеза (сценарий «выбор демократии» противопоставляется сценарию «продолжение рабства Германии»).

Таким образом, проведенный анализ метафорического моделирования образа Великобритании 1943 г. позволяет утверждать о положительном отражении действий этого союзника в американском военно-публицистическом дискурсе.

3.7.2.3 Образ США

Проведя анализ данных корпуса, мы пришли к выводу, что в метафорическом моделировании образа США в американском военно-публицистическом дискурсе можно выделить 3 доминирующие метафоры (см.табл.3.20).

Таблица 3.20 – Доминирующие метафоры в моделировании образа США (1943 г.)

Метафора	Metaphor
Союзник – Демократ	Ally is Democrat
Союзник – Борец	Ally is Fighter
Союзник – Судья	Ally is Judge

Метафора *Союзник – это Демократ* взаимосвязана с таковой в моделировании образа Британии 1943 г., о чем мы писали в предыдущем параграфе. Более того, в нескольких статьях нам встретилось утверждение о том, что быть свободным значит быть американцем. Свобода, как указывается в прессе, есть неотъемлемая черта американца. В доказательство этого тезиса приведем отрывок из статьи *Meet America*, опубликованной в августе в газете *The Evening Star*: *This face of America is many faces. Many races molded it, many weathers seasoned it. The eyes are blue or brown or gray, Indian-black, almond-shaped. But the light in the eyes is the same. Freedom put it there. It rains down carelessly out of the high skies arching over our forty-eight united states, and our children catch it in their eyes as soon as these are opened. They catch an easy way of laughing, an off-hand way of talking. "O.K.," they say. "Sure thing." "Can do."* Из приведенного примера можно заключить, что многонациональные жители США, будучи представителями разных народов и рас, объединены в один на основе всеобщей черты – любви к свободе. Она описана в статье яркой природоморфной метафорой *Свобода – это Дождь: [freedom] rains down carelessly out of the high skies*. Более того, она «попадает в глаза детей»,

передавая им любовь к свободе. Таким образом, свобода воспринимается также естественно и повседневно, как и дождь. Тем важнее представляется участие во Второй мировой войне – войне за свободу, как указывается в статьях (our country is at war—engaged in a desperate struggle to determine whether the freedom we have created and cherished shall survive or perish).

Следующая выделенная нами метафора *Союзник – это Борец* также отражает национальный характер американцев: *America laughs as it fights; it meets you who are our Allies carelessly, genially, so sure you're a friend that its manners are easy to rudeness*. Более того, Америка преследует свои интересы во Второй мировой войне: с одной стороны, они стремятся улучшить будущее (*determination to help make the future brighter than any period in the past*), с другой – они сражаются за будущее потомков и считают своим долгом гарантировать выполнение мечты каждого американца (*it is our plain duty to do our utmost to help those people fulfill their dreams—of an education for their children, of security for their families, of financial independence in their own old age*).

Последняя метафора (*Союзник – это Судья*) представляется нам логичным развитием образа Соединенных Штатов Америки. Обосновывая право США быть судьей и вершить справедливость, журналисты используют аллюзию на Библию (*For we believe in Justice. Knowing that it is perfect only in heaven, we were born to struggle for it here on earth*). Кроме того, американцы уверены в своем праве быть судьей; журналисты цитируют Декларацию независимости (*"all men are created equal; ... with certain unalienable rights; that among these are life, liberty, and the pursuit of happiness"*) указывают, что действия фашистских стран нарушают ее. В проанализированных статьях Германию, Японию и Италию обвиняют в попытке убийства цивилизации (*plotting the assassination of civilization*). Фактически, фашизм для США – это преступник, и они имеют право его наказать (*Now they know. They know that we execute murderers.*)

Таким образом, вышеуказанные результаты анализа позволяют утверждать, что образ США в американском военно-публицистическом дискурсе был положительным: являясь свободной демократической страной, Америка, по мнению прессы, имела все права судить преступников-фашистов.

3.7.3 Образ союзника в 1945 г.

3.7.3.1 Образ СССР

Проанализировав метафорическое моделирование образа Советского Союза в американском военно-публицистическом дискурсе, мы сочли возможным выделить 2 доминирующие метафоры (см. табл. 3.21).

Таблица 3.21 – Ключевые метафоры в моделировании образа СССР (1945 г.)

Метафора	Metaphor
Союзник – это Царь	Ally is Tsar
Союзник – это Воин	Ally is Fighter

Метафора *Союзник – это Царь* связана со сравнением политики Российской империи (как ее видели в США) с политикой Советского Союза (опять же, в восприятии США). Так, победное окончание войны с Германией доказало могущество СССР и силу его армии, а также поставило вопрос для Америки о планах Советов на будущее. Например, в одной из статей (дата публикации – *9 мая*) эксплицитно выражается мнение о возможном желании СССР господствовать над миром: *the question whether Russia, like many other revolutionary powers, will embark from the position of unprecedented power upon a course of attempted world domination*. С одной стороны, это предположение, на что указывает использование модального глагола *will*; с другой – путем сравнения с другими революционными правительствами, этому предположению придается определенный вес и обоснование такого варианта развития событий. Более того, яркая метафора морского судна во фразе *embark from the position of unprecedented power upon a course of attempted world domination* создает негативное впечатление: можно подумать, что для смены политического курса СССР не требуется обоснований и времени.

Желание быть владыкой мира, в чем обвиняют Советский Союз, является, по мнению США, проявлением политики империализма, свойственной Российской империи (*every tsar who ever extended the empire has been glorified*). Американские журналисты видели сходство «восхваления царя» и советской пропаганды в течение Второй мировой войны: *it is noteworthy that Russian propaganda for home consumption, especially in the films, during the entire war has been furiously imperialistic*. Эпитет *furiously* подчёркивает характер проведения пропаганды.

Также «империалистическая» политика Советского Союза сравнивается с политикой Наполеона. Так, американский журналист задается вопросом о правомерности сравнения России и Франции, с одной стороны, и И.В. Сталина (его имя не названо, но подразумевается) и Н. Бонапарта – с другой: *it is pertinent to ask whether the Russian revolution was like the French entering the Napoleonic era when Napoleon took up a war that had begun under the Bourbons and which then proceeded under the revolutionary leaders in whose ranks he had served and through whom he came to power. Had he depended more on revolutionary politics and less on the naked sword, he might have succeeded*. Как видно из приведенного примера, вопрос, интересующий журналиста, имплицитно отвечен им же: революция в России в его статье сравнивается с французской революцией. Путь к власти И.В. Сталина схож с таковым Н. Бонапарта; единственное отличие, по мнению журналиста, состоит в проводимом курсе: если бы Н. Бонапарт опирался на политику, а не на войну, он бы преуспел в своей цели – создании единого мирового государства. Следовательно, можно сделать вывод о том, что для И.В. Сталина и СССР осуществление подобной цели возможно, что делает его потенциальной угрозой для США.

Знаменателен факт того, что статьи, в которых наиболее часто употребляются эти метафоры, были опубликованы в газетах во временном интервале 7-10 мая 1945 г., т.е. когда капитуляция Германии уже не вызывала сомнений. Следовательно, практически одновременно с этим важным

событием Второй мировой войны в американской прессе появляются статьи, в которых содержится негативная оценка действий Советов.

По сравнению с первой метафорой, метафора *Союзник – это Воин* имеет значительно меньшую репрезентацию. Так, победное окончание войны с Германией могло бы повлечь «братание» союзных войск: *on a very long front, from the Baltic to the Adriatic, the armies of the western powers will stand alongside the armies of Russia. The official Russian tendency may be somewhat standoffish... But if any one thinks that this official state of mind will long prevail in practice, he does not know very much about soldiers. It may be freely and confidently predicted that within a week or two we shall have an Anglo-American-Russian fraternity of arms on the broadest sort of scale—a fraternity not of statesmen and commanders in chief, but of GI Joes and Ivans.* В приведенном отрывке ярко выделяется разделение образа союзника-бойца как солдата, в моделировании которого отсутствует элемент «политика» и образ союзника-бойца как страны, политический курс которой ее западные союзники не понимают и не принимают. Различна и оценка этих образов: если образ солдата моделируется положительно, то страны – негативно; эти образы противопоставляются друг другу с помощью контекстной антитезы.

Таким образом, результаты анализа позволяют сделать вывод о том, что образ СССР в американском военно-публицистическом дискурсе 1945 г. моделируется негативно. Это объясняется, на наш взгляд, идеологическими различиями СССР и США, а также возросшим могуществом первого, которое могло бы представить угрозу для Америки. Тем не менее, образ союзника как солдата получает положительную оценку, что позволяет нам утверждать, что основной проблемой в отношениях Советов и Штатов было соперничество за могущество и влияние.

3.7.3.2 Образ Британии

Анализ собранного корпуса позволяет выделить 3 доминирующие метафоры в метафорическом моделировании образа Соединенного Королевства (см.табл. 3.22).

Таблица 3.22 – Доминанты в метафорическом моделировании образа Британии (1945 г.)

Метафора	Metaphor
Союзник – это Должник	Ally is Debtor
Союзник – это Игрок	Ally is Gamer
Союзник – это Семья	Ally is Family

Первая метафора объясняется историческим контекстом: в течение войны Соединенные Штаты Америки оказывали финансовую и материальную помощь союзникам. Ко времени завершения Второй мировой войны Британия имела существенный государственный долг перед США. Единственным выходом из сложившейся ситуации, по мнению британцев, является помощь самих Штатов; на это указывает цитата из статьи, опубликованной в британской газете *The Economist*: *asking where Britain would get the money ... the magazine answers: “Clearly, there could only be one source – the United States”*. В исследуемом корпусе нам не встретилось оценочной лексики, которая выразила бы отношение Америки к государственному долгу Британии и предполагаемого решения. Американская пресса предпочла отметить долг Британии как факт, что может указывать на черты американской культуры.

Следующая метафора признает мастерство Э. Идена в дипломатии; она встречается в статьях, посвященных конференции в Сан-Франциско. Практически все журналисты сравнивают ее с игрой: *diplomacy game at this conference*. Игроком, произведшим наибольшее впечатление, стал британский министр иностранных дел. Так, указывается, что *by all odds the most skillful diplomacy game has been played by dapper, dignified Anthony Eden of Great Britain*. М-р Иден характеризуется такими эпитетами как *dapper* и *dignified*; более того, конструкция *имя+of+название страны* обычно используется для объявления имен спортсменов на соревнованиях международного уровня. Таким образом, можно сказать, что британский министр иностранных дел одержал победу несмотря на все обстоятельства (*against all odds*).

На наш взгляд, своеобразным апогеем в метафорическом моделировании образа Великобритании является метафора *Союзник – это Семья*. Она показывает, что США и Британия, по мнению первых, близки: *we are more*

critical of Britain than we are of any of our Allies – just in the same way as we are more critical of our families than of our friends. Логично было бы предположить, что Британия будет считаться «старшим» в «семье» исходя из фактов истории. Но для США «главными» являются они сами: *we know them, we're proud of them and we expect more from them.* Из приведенных примеров можно заключить, что Америка видела себя в роли родителя, старающегося правильно воспитать своего ребенка.

По результатам метафорического моделирования образа Великобритании прослеживается положительно-снисходительная оценка этой страны в американском военно-публицистическом дискурсе. Соединенные Штаты Америки, как видно из рассмотренных статей, считали, что благополучие Британии зависит от них.

3.7.3.3 Образ США

Изучение собранного корпуса показало, что образ США в американском военно-публицистическом дискурсе моделируется 2 доминирующими метафорами (см.табл.3.23).

Таблица 3.23 – Ключевые метафоры в моделировании образа США (1945 г.)

Метафора	Metaphor
Союзник – это Демократ	Ally is Democrat
Союзник – это Победитель	Ally is Victor

Метафора *Союзник – это Демократ* отражает мнение американцев о том, что политический режим США является лучшим в мире. Рассуждая о будущем Японии по окончании Второй мировой войны, журналисты писали, что Америке не нужно вмешиваться в дела этой страны: *what foolish notions the Japanese choose to entertain and what their form of government shall be is not for us to say.* С одной стороны, может показаться, что американская пресса выступала против вмешательства во внутренние дела другого государства. Однако оценочная лексика, использованная во фразе, создает впечатление высокомерного и снисходительного отношения к Японии. В другой статье журналист описывает, какой путь решения проблемы Японии Америка *не*

приняла: *it was argued, our policy should have been to hang Hirohito, abolish the imperial house and then start teaching the misguided Japanese the ways of democracy; not until we were satisfied that the Japs were good democrats should we let them up.* Первая часть фразы с использованием перфектной формы *should*, выражает нереальное действие в прошлом, подчеркивая, что то, что США могли сделать (повесить императора, упразднить его дом, учить демократии), они не сделали, хотя такая возможность у них была. В этой же части мы находим намек на то, что монархия не является предпочтительной формой правления: на это указывает словосочетание *the misguided Japanese*. Использование этого эпитета подразумевает, что государство (Японское правительство во главе с императором) обманывает своих граждан, что является преступлением. Если вспомнить, что в Соединенных Штатах казнили преступников, предположение, что Хирохито мог бы быть повешен, можно рассматривать как проявление благородства. Вторая часть фразы, имеющая значение нереальности ситуации в настоящем, может быть рассмотрена как некатегоричное обозначение планов США: хотя они могли бы сами научить японцев демократии, Штаты предпочитают не вмешиваться в дела Японии. Тем не менее, пока Япония не стала бы «хорошей демократией», США не оставили бы ее без своего внимания. Помимо этого, пренебрежительное отношение к японцам также отражено в сокращении названия этого народа (*the Japs*).

Метафора *Союзник – это Победитель* является, на наш взгляд, истоком воззрений США на окончание Второй мировой войны. Так, согласно проанализированным источникам, именно Соединенные Штаты, их программа помощи и американская армия под руководством Д. Эйзенхауэра сыграли решающую роль в победе над фашизмом: *the battle against Hitler ... had its conclusion not only in the aid of American arms and manpower but also in the direction of single genius alien to its shores*. Из приведенного примера можно заключить, что Америка считала своей заслугой участие в каждой стороне войны: экономической, военной и стратегической. Более того,

США считали, что гений Д. Эйзенхауэра в одиночку решил чужие проблемы (*single genius alien to its [of the battle against Hitler] shores*). Д. Эйзенхауэра называли победоносным лидером величайшей армии союзников (*the victorious commander of the greatest coalition army*).

Таким образом, анализ метафорического моделирования образа США показал, что к 1945 г. в США сложилось мнение о том, что именно Америка одержала победу во Второй мировой войне.

3.7 Сопоставительный анализ моделирования образа союзника в американском военно-публицистическом дискурсе

Результаты сопоставительного анализа выделенных метафор, с помощью которых моделируется образ союзника, позволяют утверждать, что совпадения практически отсутствуют.

Интересна динамика образа СССР в американском военно-публицистическом дискурсе. Создается впечатление, что нейтральное положение обеих стран было большим поводом для положительной оценки, чем совместное участие во Второй мировой войне: в 1939 г. Советы называли освободителем братских народов, а с 1943 г. – возможной угрозой для США. В 1945 г. происходит четкое разделение образа СССР на 2 части – государство и солдат, причем первая оценивается крайне негативно, а вторая – положительно. Американская пресса сравнивает И.В. Сталина с российскими императорами, которые стремились расширить границы Российской империи, и с Н. Бонапартом, желавшим создать одно мировое государство, и, следовательно, СССР с Российской империей и Французской империей.

Можно было бы предположить, что параллели существуют между восприятием образа Великобритании и Соединенных Штатов. Однако результаты сопоставления показывают, что, несмотря на общность языка и колониальное прошлое, эти государства сильно отличались в социально-культурном плане. Тем не менее, образ Британии остается неизменно положительным в 1939, 1943 и 1945 гг. Изменения заметны в

оттенках оценки: если в 1939 и 1943 г. Британия представляется государством, которое во имя демократии и веры сражается с фашизмом, то в 1945 г. она считается «ребенком», которому необходима помощь США.

Образ Соединенных Штатов остается положительным независимо от исторического контекста; в его моделировании видна тенденция к его улучшению. Так, в 1939 г. дается в основном положительная оценка действиям США по соблюдению нейтралитета, в 1943 г. – его военным действиям, а в 1945 г. в американской прессе именно Америке отдается заслуга победного окончания Второй мировой войны. Интересно также и то, что и в 1939, и в 1943 гг. США моделируется как судья, имеющий право вершить правосудие в международной политике. В 1945 г. эта метафора не выделяется, но в *Союзник – это Победитель* прослеживается ее след.

Следовательно, изучив метафорическое моделирование образа союзника в американском военно-публицистическом дискурсе, можно сделать следующие выводы:

1) в моделировании образа СССР наблюдается отрицательная динамика, что может быть объяснено идеологическими разногласиями, ростом могущества и влияния Советского Союза;

2) в моделировании образа Великобритании прослеживается положительная динамика с постепенным ухудшением отношения к ней как к одной из могущественных держав – к 1945 г. она имела значительный государственный долг перед США и зависела от помощи Америки;

3) образ США моделируется неизменно положительно; в нем заметна тенденция к улучшению восприятия действий этого государства; в 1945 г., по мнению, высказываемым в американской прессе, Соединенные Штаты одержали победу во Второй мировой войне.

3.8 Сопоставление образа союзника в британском и американском военно-публицистических дискурсах

Был проведен сопоставительный анализ образа каждого государства в синхронии (хронологические периоды: 1939, 1943, 1945 гг.) и диахронии для

определения динамики в метафорическом моделировании образа союзника. Приведем результаты нашего исследования.

Оценка образа СССР в 1939 г. в Великобритании и США кардинально различается. В Британии Советский Союз воспринимался как агрессор, вор и лжец; его обвиняли в пособничестве Германии «обокрасть» Польшу, с которой Соединенное Королевство было связано союзным договором. Именно этим объясняется, на наш взгляд, отрицательная оценка действий СССР. Соединенные Штаты были нейтральным государством и, следовательно, принимали объяснение Советов о причине ввода войск в Польшу. Разница в восприятии образа СССР показана в метафорах (*Будущий Союзник – Грабитель* (Британия) и (*Будущий Союзник – Освободитель* (США): здесь наблюдается две точки зрения на одно и то же событие (ввод советских войск в Польшу) двух государств, одно из которых было союзником Польши, а другое – нейтральным государством.

Анализ следующего хронологического среза (1943 г.) показывает изменение в метафорическом моделировании образа СССР и в Британии, и в США. Со вступлением Советской России во Вторую мировую войну в составе антигитлеровской коалиции в 1941 г. британская пресса отзывается об СССР преимущественно положительно: метафоры *Союзник – это Друг* и *Союзник – это Спаситель* характеризуют положительную динамику образа Советов по сравнению с 1939 г. В моделировании образа СССР в американском военно-публицистическом дискурсе, наоборот, отмечается отрицательная динамика: метафора *Союзник – это Угроза* знаменует собой изменение видения СССР, причиной которому являются предположения о том, что он в скором времени превзойдет в своем развитии США.

1945 г. можно назвать кульминацией положительного восприятия образа Советского Союза в Великобритании и негативного – в США. Если британцы признают героизм СССР в борьбе с фашизмом и его право быть полицейским Европы, о нем свидетельствуют метафоры *Союзник – это Герой* и *Союзник – это Полицейский*, то в США закрепляется мнение об имперских

намерениях Советов, которые стремятся подчинить мир (о чем свидетельствует сравнение И.В. Сталина с Н. Бонапартом). Более того, в 1945 г. в американском военно-публицистическом дискурсе происходит разделение образа союзника касательно СССР на государство (метафора *Союзник – это Царь*) и солдат (*Союзник – это Воин*). Первая метафора характеризует, как уже упоминалось, образ СССР как союзного государства, именно поэтому мы сочли необходимым учесть именно ее в анализе метафорического моделирования.

Результаты сопоставительного анализа метафорического моделирования образа СССР представлены на рисунке (см.рис.3.5). Можно заключить, что в Британии и США наблюдалась противоположная динамика; в британском военно-публицистическом происходит изменение от негативного восприятия образа Советов (1939 г.) до положительного (1945 г.); в американском военно-публицистическом дискурсе наблюдается обратная картина.

Рисунок 3.5 – Сопоставительное моделирование образа СССР в британском и американском военно-публицистических дискурсах

Образ Великобритании в британском военно-публицистическом дискурсе остается неизменно положительным во всех рассмотренных хронологических срезах: это государство, как указывается журналистами, борец за христианскую веру и демократию, имеющее превосходный военно-морской

флот. В моделировании Британии отражаются ее характерные черты (*Союзник – это Банкир*). Интересно, что метафоры в моделировании образа Британии 1939 г. частично совпадают (*Союзник – это Демократ* в обоих дискурсах и *Союзник – это Крестоносец* и *Союзник – это Христианин*. Тем не менее, несмотря на это, суть этих метафор различна. Если в британском военно-публицистическом дискурсе религиозная метафора используется для обращения к чувствам верующих, то в американском она объясняет причину войны и прогнозирует будущее Британии в случае ее поражения.

Начиная с 1943 г. совпадений в метафорических моделях нет. Анализ хронологического среза 1943 г. показывает положительную оценку образа Британии. В 1945 г. метафора *Союзник – это Банкрот* в британском военно-публицистическом дискурсе коррелируется с метафорой *Союзник – это Должник* в американском, что объясняется значительным государственным долгом Британии. Именно этот факт, возможно, объясняет изменение отношения к не США – в 1945 г. оно может быть охарактеризовано снисходительностью. Следовательно, можно заключить, что образ Британии остается положительным в течение Второй мировой войны; в 1945 г. в США отмечается ухудшение его оценки (см.рис.3.6).

Рисунок 3.6 – Сопоставительное моделирование образа Великобритании британском и американском военно-публицистических дискурсах

Образ США в Британии воспринимается нейтрально в рассматриваемых хронологических срезах. Это может быть объяснено несколькими обстоятельствами: 1) нейтралитет и отчужденность США в первые годы Второй мировой войны; 2) исторически сложившиеся отношения метрополии и бывшей колонии; 3) отличия в системе культурных норм и ценностей. В американском военно-публицистическом дискурсе образ США всегда имеет положительную оценку (см.рис.10) – независимо от того, провозглашен ли нейтралитет или Соединенные Штаты вступили в войну, по мнению американских журналистов это государство всегда поступает правильно. Более того, в 1945 г. прослеживается исток мнения Америки, что именно она выиграла Вторую мировую войну.

Рисунок 3.7 – Сопоставительное моделирование образа США в британском и американском военно-публицистических дискурсах

Выполнив сопоставительный анализ результатов метафорического моделирования образа союзника в британском и американском военно-публицистических дискурсах, можно заключить, что видение образа союзника в британском и американском военно-публицистических дискурсах отличается. Метафорическое моделирование образа СССР противоположно: если в Британии оно имеет положительную динамику, то в США, наоборот, отрицательную. На наш взгляд, это может быть объяснено тем, что

амбициозные Соединенные Штаты видели в Советском Союзе угрозу своему авторитету и влиянию. Моделирование образов Британии и США также отличается: британцы прохладно относились к Бизнесмену США, руководствовавшемуся в первую очередь соображениями личной выгоды, а американцы – вначале положительно, а затем снисходительно следили за действиями бывшей метрополии. Сопоставительный анализ показал, что, несмотря на общность языка, Великобритания и США отличаются системой культурных ценностей.

В исторической памяти не произошло закрепление многих положений, перечисленных выше. Тем не менее, негативная оценка СССР, который обвиняли в империализме и стремлении к мировому господству, прочно вошла в историческую память жителей США благодаря многократному повторению этой информации. В то же время в США утвердилось мнение, что именно они выиграли Вторую мировую войну.

Тем не менее, несмотря на идеологические различия, страны Альянса смогли одержать победу над фашизмом. Спустя 75 лет после окончания этой кровавой войны, как кажется нам, необходимо вспомнить ее уроки для поиска решений нависших над человечеством глобальных угроз. В целом в исторической памяти всех стран-союзниц закрепилось представление о Второй мировой войне как о самом кровопролитном глобальном конфликте в истории человечества. потребовавшем проявление героизма, самопожертвования и международного сотрудничества для его разрешения.

Выводы по главе 3

Практическую часть нашего исследования мы начали с рассмотрения названия Второй мировой войны как средства выражения национальной специфики исторической памяти. Был сделан следующий вывод: название Второй мировой войны в разных странах отражает понимание этого конфликта: в СССР и Российской Федерации – Великой Отечественной войной, в 1939 г. в США ее называли Европейской войной, в Японии – Японско-китайской войной, а в Китае – Второй войной

сопротивления против Японии. Следовательно, название отражает точку зрения отдельного государства на этот конфликт, в то время как суть Второй мировой войны от этого не изменяется.

Следующим этапом нашего исследования был выбор источника материалов исследования. Сайт-источник должен быть соответствовать следующим параметрам: 1) приемлемое количество аутентичных материалов; 2) вид представления материала – отсканированные страницы газет и журналов периода Второй мировой войны; 3) высокое качество сканирования; 4) возможность скачивания материала; 5) доступ к ресурсу. Мы считаем, что ресурсы *The British Newspaper Archive* и *Chronicling America. Historic American Newspapers* соответствуют заявленным критериям. После выбора источника были отобраны параметры поиска, в соответствии с которыми был составлен корпус, включивший в себя 1 248 метафорических единиц. Кроме того, мы выбрали 1939, 1943 и 1945 гг. для анализа синхронных срезов, т.к. эти годы соответствуют схеме «начало-пик-окончание» во Второй мировой войне.

Составив исследовательский корпус, мы приступили к анализу данных. Исследование метафорического моделирования образа союзника было проведено по следующим аспектам: 1) анализ синхронных срезов в каждом виде дискурса; 2) анализ образа каждого союзного государства в диахронии в отдельном дискурсе; 3) сопоставительный анализ синхронных срезов в британском и американском военно-публицистических дискурсах; 4) сопоставительный анализ динамики образа союзника в британском и американском военно-публицистических дискурсах.

Выводы, к которым мы пришли, следующие:

1) образ СССР в течение Второй мировой войны претерпел значительные изменения: в британском военно-публицистическом дискурсе наблюдается положительная динамика его моделирования, в американском – отрицательная, что может быть объяснено различиями в идеологии, политическом строе, культуре и намечающемся соперничестве за международное влияние;

2) в моделировании образа Британии в британском военно-публицистическом дискурсе динамика не прослеживается – он остается неизменно положительным; в американском военно-публицистическом дискурсе отрицательная динамика прослеживается лишь в 1945 г. в связи с государственным долгом Великобритании;

3) образ Соединенных Штатов Америки в британском военно-публицистическом дискурсе также не имеет динамики – он остается нейтральным на протяжении всей Второй мировой войны; в американском военно-публицистическом дискурсе образ США имеет положительную динамику. Эти различия также могут быть объяснены различиями в менталитете, культуре и национальной системе ценностей.

Проведенное исследование доказало, что в антигитлеровскую коалицию входили страны, слишком разные по политическим идеологии и строю, культуре, языку. С одной стороны, они смогли объединиться для решения глобального конфликта. С другой – этот союз был недолговечным и, как известно из истории, распался вскоре после окончания Второй мировой войны. Во многом этот факт объясняется противоречиями между союзниками, которые существовали на протяжении всей войны.

Положительная оценка британцами действий СССР не нашла распространения и закрепления в исторической памяти; оценка Соединенных Штатов, наоборот, закрепились, что, как мы предполагаем, может объяснить дальнейшее напряжение международных отношений, гонку вооружений и Холодную войну.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторую мировую войну можно считать переломным моментом в истории человечества: оно подошло как никогда близко к уничтожению не только враждебной нации, но и уничтожению своей цивилизации. Если в Первой мировой войне впервые применили химическое оружие, то Вторая мировая война печально известна геноцидом евреев и первым использованием атомной бомбы. Тем не менее, Вторая мировая также стала временем объединения кардинально отличающихся государств перед лицом общего врага – фашизма.

Цель работы была достигнута – проведен сопоставительный анализ моделирования образа союзника в британском и американском военно-публицистических дискурсах периода Второй мировой войны.

В ходе работы над магистерской диссертацией были изучены понятия памяти в психологии, философии и *memory studies*, проведены разграничения между историей и коллективной памятью и рассмотрен феномен исторической памяти. Выяснив, что закрепление информации в исторической памяти происходит благодаря многократному ее повторению, мы приступили к следующему этапу работы – изучению понятий дискурса и военно-публицистического дискурса, а также теории метафорического моделирования. После положительного заключения о возможностях применения *The British Newspaper Archive* и *Chronicling America* в дискурсивных исследованиях, мы приступили к созданию исследовательского корпуса, в который вошло 1 248 метафор. Исследовательский корпус был разделен на тематические блоки: «Название государства. Год». Каждый блок был проанализирован, в нем были выявлены и описаны доминирующие метафорические модели. В завершении исследования был проведен сопоставительный анализ результатов исследования в отдельном военно-публицистическом дискурсе.

Проведя исследование метафорического моделирования образа союзника в британском и американском военно-публицистических дискурсах, мы пришли к следующим выводам:

- исторической памяти свойственна субъективность и избирательность; она необязательно отражает факты истории;
- дискурс является способом реализации исторической памяти;
- в военно-публицистическом дискурсе оппозиция «свой-чужой» получает яркое выражение;
- выделенные метафорические модели доказывают разносторонность стран-союзниц по антигитлеровской коалиции;
- метафорические модели отражают специфику национальной системы культурных ценностей;
- в исторической памяти американцев произошло закрепление негативного образа СССР;
- в исторической памяти всех народов закрепилось представление о Второй мировой войне как о самом кровопролитном и жестоком глобальном конфликте.

Анализ метафорического моделирования образа союзника в период Второй мировой войны позволяет объяснить многие последующие события мировой истории. Однако важнейший урок, который может быть вынесен, – это факт того, что перед лицом глобальной угрозы своего существования государства, по своей сути являющиеся идеологическими соперниками, смогли объединиться для ее устранения.

В перспективе дальнейшее исследование в данном направлении – сопоставительный анализ образов государств, входивших в антигитлеровскую коалицию, в годы Второй мировой войны и в течение XIX-начала XX вв. с целью изучения того влияния, которое этот глобальный конфликт имел в изменении международных отношений, и лингвистических средств его выражения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алиева, Т.В. Концептуальная оппозиция «свой-чужой» в политическом дискурсе Великобритании (Великобритания – США) [Текст] / Т. В. Алиева // Вестник Тамбовского университета. – 2008. – Вып. 11 (67). – Тамбов: ТГУ. – С. 216–220.
2. Алымова Е.В. Риторическое измерение философского дискурса: Софисты, Платон, Аристотель [Текст] / Е.В. Алымова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – Изд-во «Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Санкт-Петербургский государственный университет"», 2011. – С. 3-10.
3. Баддли А. Память [Текст] / А. Баддли, М. Андерсон, М. Айзенк / пер. с англ. под ред. Т.Н. Резниковой. – СПб : Питер, 2011. – 560 с.
4. Баранов, А.Н. Дескриптивная теория метафоры [Текст] / А.Н Баранов. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
5. Большая психологическая энциклопедия [Электронный ресурс] – URL: <https://psychology.academic.ru/1549/%D0%BF%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D1%8C>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 17.02.2019).
6. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 24.01.2019).
7. Боднар, А.М. Психология памяти. Курс лекций [Текст] / А.М. Боднар. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2014. – 100 с.
8. Будаев, Э.В. Зарубежная политическая лингвистика [Текст] / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – М.: Флинта, 2018. – 352 с.
9. Васильев, А. Единство парадигмы – многообразие объектов [Электронный ресурс] / А. Васильев // ЖЗ, 2012. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/5/memory-studies-edinstvo-paradigmy->

mногообразie-obektov.html, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.01.2019).

10. Виды памяти [Электронный ресурс] – URL: <http://www.grandars.ru/college/psihologiya/pamyat.html>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 15.12.2018).

11. Выготский о памяти и ее развитии [Электронный ресурс] – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/vugot/02.php, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 24.11.2018).

12. Гутнер Г. Б., Огурцов А. П. Дискурс [Электронный ресурс] / Г.Б. Гутнер, А.П. Огурцов. // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд. – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01bef374b672aabd4e2e9dbe>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.08.2019).

13. Дейк, Т.А., ван Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. / Т.А. ван Дейк. – М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. – 352 с.

14. Дейк, Т. А., ван Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. / Сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова [Текст] / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

15. Зарубина, Т.А. Философский дискурс французского постмодерна: модель нелинейной онтологии [Текст] автореф. на соискание с. к-та фил.наук : 09.00.01 / Зарубина Татьяна Анатольевна. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ им. А.М. Горького, 2005. – 24 с.

16. Каменская М. А, Каменский А. А. Основы нейробиологии [Текст] / М.А. Каменская, А.А. Каменский. – М.: Дрофа, 2014. — 365 с.

17. Канчани, П. Оппозиция «свой-чужие» как прагматическая доминанта политического дискурса [Текст] : автореф. на соискание уч. с. к-та филол.наук : 10.02.19 / Петер Канчани. – Москва : Рема, 2007. – 27 с.

18. Карасик В. И. О типах дискурса [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград, 2000. – С. 5-20.
19. Карасик В.И. Язык социального статуса [Текст] / В.И. Карасик. – М.: ИЯЗ: Перемена, 1992. – 329 с.
20. Кегеян С.Э. Политический дискурс как составляющая дискурсивных процессов: многообразие подходов к изучению в общей системе лингвориторической парадигмы [Текст] / С.Э. Кегеян // Вестник СГУТиКД. – 2012. – № 2 (20) – С. 212-215.
21. Классификации видов памяти [Электронный ресурс] – URL: <http://vestishki.ru/node/921>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 12.11.2018).
22. Курган, А.А. Время как память [Текст] / А.А. Курган. – Томск : Издательство ТУСУРа, 2014. – 308 с.
23. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.
24. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста [Текст] / Ю.М. Лотман. – Азбука, 2016. – 704 с.
25. Новая философская энциклопедия: в 4 т. // Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; Электронная библиотека ИФ РАН [Электронный ресурс] – URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01bef374b672aabd ae2e9dbe>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 17.11.2018).
26. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов. – Мир и Образование, 2010. – 1360 с.
27. Определение текста как предмета лингвистического анализа [Электронный ресурс] – URL: <http://www.textologia.ru/russkiy/lingvisticheskiy-analiz/ponyatie-tekst/opredelenie-teksta-kak-predmeta-lingvisticheskogo-analiza-nachalo/2303/?q=463&n=2303>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 24.03.2019).

28. Память о войне и международный опыт мемориализации ратного подвига. Проблема сохранения памяти и мемориализации наследия Первой мировой войны. Материалы научно практического круглого стола 12 октября 2017 г. / Мин-во культуры РФ; Рос. Науч. исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачева; ред. сост. С.А. Мозговой. – М. : Институт Наследия, 2019. – 162 с.

29. Политология [Электронный ресурс] – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/2439>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 12.12.2019).

30. Романовская, Е.В. История и память [Текст] / Е.В. Романовская // Идеи и смыслы. – 2012. – Вып. 9. – С. 80–82.

31. Рябов С.А., О термине мемориализации наследия и о задачах сохранения исторической памяти. Проблема сохранения памяти и мемориализации наследия Первой мировой войны. Материалы научно практического круглого стола 12 октября 2017 г. [Текст] / Мин-во культуры РФ; Рос. Науч. исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачева; ред. сост. С.А. Мозговой. – М. : Институт Наследия, 2019. – 162 с.

32. Савельева Е.Б. О взглядах Мишеля Фуко на теорию дискурса / Е.Б. Савельева // Вестник Московского института лингвистики. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vzglyadah-mishelya-fuko-na-teoriyu-diskursa>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 20.11.2018).

33. Силантьева, И.В. Газета и роман. Риторика дискурсивных смешений / И. В. Силантьева. – Языки славянской культуры, 2006. – 224 с.

34. Солопова О. А. Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации [Текст] / О.А. Солопова, К.А. Наумова // Филологический класс. – 2018. – № 4(54). – С. 15–21.

35. Ученые обещали найти общие черты мозга у насекомых и людей [Электронный ресурс] – URL: <https://m.lenta.ru/news/2014/12/22/brainstructure>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 17.12.2018).

36. Философский словарь [Электронный ресурс] – URL: <http://bdn-steiner.ru/glossword/index.php/term/3,1205.xhtml>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 17.05.2019).

37. Хрестоматия по общей психологии – психология памяти [Текст] / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 272 с.

38. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса : проблемы речевого воздействия / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта : Наука, 2006. – 136 с.

39. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие [Текст] / А.П. Чудинов. – М.: Флинта, 2015. – 255 с.

40. Шевцов, К.П. Мера души: сознание и память в концепции Джона Локка [Текст] / К.П. Шевцов // Эпистемология и философия науки. – 2012. – №4. – 191–203.

41. Collins Online Dictionary [Электронный ресурс] – URL: <https://www.collinsdictionary.com>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 22.04.2020).

42. Dijk, T. van. Political discourse and political cognition – [Текст] / T. van Dijk // Politics as Text and Talk: Analytic approaches to political discourse. – 2002. – P.203–237.

43. European historical memory: policies, challenges and perspectives [Электронный ресурс] – URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/540364/IPOL_STU\(2015\)540364_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/540364/IPOL_STU(2015)540364_EN.pdf), свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 4.05.2019).

44. Foucault [Электронный ресурс] – URL: <https://www.massey.ac.nz/~alock/theory/foucault.htm>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 21.03.2019).

45. Goddard A., Carey N. – Discourse [Текст] / A. Goddard, N. Carey. – Routledge, 2017. – 228 p.

46. Konyk, A. Categorising resources of historical memory in researching publicistic text [Электронный ресурс] – URL:

<https://content.sciendo.com/view/journals/sc/2/2/article-p31.xml?language=en>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 16.02.2019).

47. Linde, Ch. *Working the Past: Narrative and Institutional Memory* / Ch. Linde. – New York : Oxford University Press, 2009. – 264 p.

48. Lowenthal, D. *The Past is a Foreign Country* [Текст] / D. Lowenthal. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999, – 660p.

49. *Memory Studies* [Электронный ресурс] – URL: <https://journals.sagepub.com/home/mss>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 23.11.2019).

50. Noon, D.H. *Operation Enduring Analogy: World War II, the War on Terror, and the Uses of Historical Memory* [] – URL: https://www.researchgate.net/publication/236766288_Operation_Enduring_Analogy_World_War_II_the_War_on_Terror_and_the_Uses_of_Historical_Memory, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 16.12.2018).

51. Phillips, N. *What Is Discourse Analysis?* [Текст] / N.Phillips, C.Hardy // *Discourse Analysis: Investigating Processes Of Social Construction*. Thousand Oaks. CA: Sage. – 2002. –P. 1-18.

52. Ricoeur, P. *La mémoire, l’histoire, l’oubli* [Текст] / P. Ricoeur. – Editions du Seuil, 2000. – 725 p.

53. Rusu, M.S. *History and collective memory: the succeeding incarnation of an evolving relationship* [Электронный ресурс] – URL: https://www.researchgate.net/publication/259310300_History_and_Collective_Memory_The_Succeeding_Incarnations_of_an_Evolving_Relationship, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 21.11.2018).

54. Rusu, M.S. *The Structure Mnemonic Revolutions* [Электронный ресурс] – URL: <https://content.sciendo.com/view/journals/irsr/1/1/article-p105.xml?language=en>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 20.10.2018).

55. Thompson, J. *Apology, historical memory and the ethics of memory* [Текст] / J. Thompson // *Memory Studies*. – 2009. – P.195–210.

56. Zalta, E. N. Memory [Электронный ресурс] / E.N. Zalta // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – URL: <https://plato.stanford.edu>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 30.12.2018).

57. Zimmermann, K.A. Memory Definition & Types of Memory [Электронный ресурс] / K.A. Zimmermann // Live Science Contributor. – URL: <https://www.livescience.com/43713-memory.html>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 13.02.2019).

МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. British Newspaper Archive [Электронный ресурс] – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk>, ограниченный. – Загл. с экрана (дата обращения: 20.05.2020).

2. Chronicling America. American Historic Newspapers [Электронный ресурс] – URL: <https://chroniclingamerica.loc.gov>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 20.05.2020).